

КОНСТАНТИН КОКОЗОВ

РОДСТВЕННИКИ

Константин Кокозов

Родственники

«Издательские решения»

Кокозов К. В.

Родственники / К. В. Кокозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904645-1

К. Кокозов стал известен читателям с 1998 года, когда в г. Владимире вышел в свет его первый роман «Приключения на двойнике Земли». Вслед за этим романом были изданы его книги «Феерия» (М., 1989), «В каменном мешке» (М., 1999), роман-эпопея «Бизнесмен»), сборник современных повестей «В этом ужасном Вавилоне (М., 2002), роман-двухтомник «Царь Борис». Новое произведение автора — роман «Родственники». В нем рассказывается о современном бизнесмене, который ставит цель помочь окружающим людям.

ISBN 978-5-44-904645-1

© Кокозов К. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Родственники

Константин Владимирович Кокозов

© Константин Владимирович Кокозов, 2018

ISBN 978-5-4490-4645-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Советский Союз, до своего развала, был мощным, великим государством. Ни один его гражданин, ни одна его гражданка даже случайно не могли и в мыслях допустить, что когда-либо найдется сила, которая сможет сдвинуть в огромную и глубокую пропасть эту, победившую Гитлера и освободившую Европу от фашизма, страну.

Многонациональная и многомиллионная страна жила как мононациональное государство, его жители без каких-либо проблем передвигались в пределах районов, регионов и республик. Никто в СССР не удивлялся, почему тот или иной гражданин переехал из своих родных мест в другие края. В небольшом районе Грузии, называемом Цалкским, территория которого была даже меньше, чем у не самого крупного колхоза в какой-нибудь российской области, в селе с населением около двух тысяч человек жили грузины, русские, осетины, армяне... А больше ста лет тому назад, с разрешения русского царя, здесь поселились и греки, покинувшие Турцию.

Представители этих народов жили одной семьей, трудились не покладая рук от зари до зари, воспитывали детей, прививали любовь к труду, к своей семье, своему селу, району, республике и стране, поддерживали друг друга, где надо и когда надо, и искренне радовались успехам каждого во всех начинаниях и делах. Многие односельчане, особенно молодое поколение, и не знали – кто к какой национальности принадлежит. Взрослое и грамотное население по окончаниям фамилий, конечно, догадывалось, кто есть кто, но, учитывая то обстоятельство, что фамилии у большинства селян завершались на «—ов», невзирая на принадлежность к той или иной национальности, односельчане и не задумывались, какие гены у того или иного соседа. Здесь, в этом селе, никто не делал различий по национальным признакам. Все гордились только личными высокими трудовыми успехами, блестящей учебой своих детей и продвижением их по служебной лестнице.

Село Джиниси, о котором мы уже говорим, не называя пока его по имени, примостилось в самом центре Цалкского района. Занявший Цалкское плато целиком и окаймленный полукольцом цепью гор Триалетского хребта, район имел в своем распоряжении самые плодородные земли. Колхоз, основанный на базе этого села в бытность СССР, из года в год занимал первые строки в социалистическом соревновании, получал самые высокие урожаи пшеницы, ячменя и, конечно, самого знаменитого продукта, выращенного на цалкских полях – картошки. Картошки вкусной, рассыпчатой, в основном, с большими клубнями и гладкой поверхностью, с тонкой кожицей. В Цалкском районе картошка имела более важное, можно сказать – важнейшее – значение, чем как просто продукт питания. Расположенная на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, Цалка, как кратко и любовно называют Цалкский район его жители, находится, по сравнению с остальной частью и уж тем паче с Черноморским побережьем Грузии, в суровых климатических условиях. Средняя температура лета и зимы – плюс-минус двадцать градусов соответственно. На этих крутых горных склонах хорошо растут альпийские травы и картофель, а потому к картошке отношение сложилось очень теплое, если хотите – культовое. Картошечка, как любовно называют этот продукт цалкинцы, голова всем овощам и фруктам. Выращивая ее на своих приусадебных участках и реализуя в крупных населенных пунктах, цалкинец имел возможность и одеваться, и досыта кормиться. А сейчас не забыть бы сказать, что колхозники села Джиниси не только получали высокие урожаи в области растениеводства, но и продуктов животноводства джинисцы давали государству больше всех остальных хозяйств района. А потому, вернее, именно потому председатели колхоза села Джиниси через одного получали от любимой Родины высокие и дорогие награды, становились даже Героями Социалистического труда.

В середине семидесятых годов награды получили шесть человек из этого колхоза. Председатель колхоза Христианов Роман, бригадир Булудов Григорий ездили за своими званиями Героя соцтруда аж в саму столицу Москву. Главный агроном Никифоров Марк и главный зоотехник Каракозов Валико из Тбилиси привезли свои удостоверения орденосцев Ленина. Два крестьянина – овощевод Абаджев Дла и скотник Эминов Емель в районном центре, в самой Цалке, из рук первого секретаря райкома Христианова Омира Александровича получали дорогие сердцу награды, грамоты победителя соцсоревнования и красивые футбольные мячи, так называемые «ценные подарки». Видимо, намеком на то, чтобы в свободное от сельхозработ время и спортом позаниматься, помочь району и по футболу получать переходящие Красные знамена. Конечно, плодородие земельных угодий, раскинувшихся по берегам полноводных рек Корсу и Храми, имело значение для достижения высоких показателей в хозяйственной деятельности сельхозпредприятия. Однако трудолюбие джинисцев, которые выходили, от мала до велика, на работу с первыми лучами солнца и без зазывания бригадиров, было основной причиной частого получения колхозом переходящих Красных знамен.

Джинисцы не только умели хорошо трудиться, были трудоголиками, но и учились они лучше всех. На одну тысячу жителей больше всего людей с высшим образованием было в Джиниси. Из Джиниси вышли несколько руководителей района в рангах первого и второго секретарей райкома. Руководителями РОНО и прочих служб районного масштаба выходцы из Джиниси работали во все годы существования Советского Союза. Из Цалкского района вышло три Героя Советского Союза, свои звания они получили во время Великой Отечественной войны. И хотя и не были джинисцами, школу среднюю окончили в Джиниси, потому что средние школы, со дня основания Советской власти в Цалкском районе и до шестидесятых годов, были только в четырех селах из пятидесяти, имевшихся на территории района, в том числе – в Джиниси.

...Во многих уголках Советского Союза работали доктора, кандидаты, профессора и доценты разных наук и направлений – выходцы из этого небольшого села. Летом, в период школьных каникул, население села увеличивалось вдвое: со всех уголков великой и большой страны приезжали с семьями в отпуска на малую родину сыновья и дочери села Джиниси. Встречи были такие теплые и желанные, что до поздней ночи во дворах домов не смолкали смех, разговоры, шум. Играли даже в футбол, разбившись на две команды – местные джинисцы и приезжие джинисцы. После игры, уплетая вкусные шашлыки, игроки бурно обсуждали, кто как играл и как нужно поднять мастерство спортивное тому или иному футболисту.

Словом, дружное, трудолюбивое село Джиниси жило и творило чудеса в огромном пространстве мощнейшей державы с красивым и сильным названием Советский Союз. Вот в этом селе и жила русская семья Владимира Ильича Габо. Предки Габо больше века тому назад, предположительно, поддержали идеи Л. Н. Толстого в вопросе религии, а потом им пришлось уехать из своих родных мест в центре России и осваивать окраины тогдашней империи, по указу царя Николая Первого. Этих людей в здешних местах называли молоканами. В те далекие времена девятнадцатого века село Джиниси состояло из двух десятков домов и являлось, по сути, фазендой Башкечикского князя Луарсаба Давидиани. Князь Давидиани, по дошедшим до наших дней рассказам, был очень набожным и добрым человеком. Ищущих, страждущих и прочих людей, оказавшихся в его владениях и желающих обосноваться, он с радостью принимал, давал не только работу, но кров, хлеб и воду, а потому ферма князя Давидиани, как бы сказали ныне, быстрыми темпами прибавлялась и в количестве жителей, и в количестве домов. Говорили, что князь каждому своему работнику, если у того были серьезные намерения остаться и пустить корни в этих краях, строил дом и отводил небольшой участок, чтобы тот в свободное от работы время трудился на себя, на своем огороде. За эти «фокусы» соседние князья ненавидели хорошего человека, раба Божьего Луарсаба, считали,

что он подает дурной пример. И, в конце концов, однажды его конь привез седока из гор домой мертвым. Князю было тогда от роду шестьдесят пять лет.

Потомки князя Луарсаба Давидиани так открыто, как отец, против порядков того времени не шли, но после гибели старого князя никто из Джиниси не уехал. До революции семнадцатого года село Джиниси выросло в несколько раз и состояло из ста двадцати домов с крепкими крестьянскими хозяйствами.

В четырнадцатом году, когда началась первая мировая война, а потом и революция, греческая часть населения из села стала уезжать в Грецию. Недавно получившая независимость от многовекового турецкого ига, древняя страна возжелала собрать на своей свободной территории когда-то потерявшихся сыновей и дочерей. Древняя Эллада объявила: каждой прибывшей семье выделяют землю и деньги для строительства жилья и на развитие бизнеса. И народ, собрав нехитрый саквояж, продав громоздкое имущество, в том числе дома и огороды, направился в сторону Батуми, где, как сказали сведущие люди, ждал их греческий корабль. Со всей Грузии и Армении повалили греки с семьями для отправки на свою историческую родину. Много собралось народа на побережье Черного моря. Жили под открытым небом. Те, у кого были малые дети, сооружали из простыней и разного тряпья подобия палаток и ждали прибытия пресловутого парохода.

В многолюдном, неорганизованном месте, в условиях сплошной антисанитарии людей одолевали стрессы и болезни, возникало недовольство. Жаркое южное солнце принесло жуткий подарок массовому скоплению людей – страшную болезнь малярию, которая косила всех подряд, особенно детей. Вскоре появились и первые мертвецы. Началась паника. Так и не дождавшись парохода с греческим флагом, многие решили вернуться назад, к своим очагам. Однако вернуть дома, а тем более огороды, смогли не все. Кто продал свое недвижимое имущество совестливым родственникам, тому повезло: без крыши над головой не остался. Из тридцати семей, собравшихся покинуть навсегда село Джиниси, только десяти удалось вернуть часть своей недвижимости. Остальным разрешили пользоваться временно их бывшими домами на платной основе. Повезло и семье героя нашего повествования.

Мать Владимира Ильича Габо, Мария Варнавовна, была гречанкой. Ее единственный родной брат Онуфрий, устроившись на берегу Черного моря, тоже ждал прибытия парохода из Греции. И когда отъезд сорвался, и брат с семьей вернулся, праздник был в доме Ильи Пантелеевича Габо. А до этого Мария Варнавовна ходила как в воду опущенная, то и дело краешком платка вытирала слезы, чтобы муж или дети не заметили. А как не заметить, если все происходит на глазах: дети видят, что у матери нет никакого настроения. Ну, а когда вернулась семья дяди Онуфрия, как тепло называли дети Ильи Габо маминого брата, Мария Варнавовна расцвела – глаза излучают свет, лицо сияет радостью, и всем хорошо: и детям, и отцу с матерью. Дом и землю, уезжая в дальние края, Онуфрий оставил зятю Илье Габо, а тот, чтобы облегчить финансовое положение своего шурина, дал ему немножко денег на дорогу. Однако, возвратившись в свои родные края, Онуфрий получил от зятя все назад, но денег, чтобы вернуть их Илье, у Онуфрия не оказалось.

– Прости, зятек, деньги твои верну, как смогу, все потратил, еле-еле детей от смерти на чужих берегах спас...

– Не переживай, шурин, – перебил Онуфрия зять, – отдашь, когда сможешь. Главное богатство – не деньги, а дружба и взаимопомощь, – сказал Илья Габо, и больше родственники к этой проблеме не возвращались.

Да и другие джинисцы не унывали: и на том спасибо, что есть, где спать и вставать на ноги, главное, – лучше на ферме Давидиани быть живым и здоровым и батрачить день и ночь, чем сыграть в ящик, стремясь полететь за мечтой о сытной и богатой жизни на древней земле Эллады.

Однако вернувшись грекам-джинисцам недолго пришлось батрачить на своих односельчан. Пришла Октябрьская революция, сначала батраки стали руководителями новой коммуны, а потом началась организация колхозов. Хозяйева той старой жизни не только лишились своих земель, коров, овец и домов, но многие были высланы в горы, в Сванетию, а некоторых отправили в тюрьму, в русскую Сибирь, «приставили» к стенке – расстреляли.

Отца Владимира Габо нельзя было причислить к кулакам, середнякам или батракам. Он был очень трудолюбивым и умным человеком, чужому горю от души сочувствовал и старался как-то облегчить тяжелую ношу беды, а радости односельчан радовался искренно и сполна, не смотрел никогда косо на соседский двор. Жизненное кредо Ильи Габо – благополучие семьи и ее достаток, а потому в его доме было детей много и хлеба много, и ничего лишнего. Илья Габо имел восемь детей, дом из двух комнат и коридор посередине, небольшой хлев, где хватало места одному коню (до коллективизации), трем коровам и двум десяткам овец. Забыл сказать о птице: кур и индюков во дворе добропорядочного грузинского крестьянина вышагивало, по крайней мере, штук двадцать-тридцать, а у Ильи Пантелеевича их было целых сорок.

Правда, в тридцатые годы, когда коллективизация дошла и до Цалкского района, у Ильи Габо живности, кроме одной коровы и нескольких птиц, и не осталось, все отдал колхозу, сам устроился на ферму, чтобы кормить скотину как следует. А кормить скотину день ото дня становилось все труднее и труднее. Раньше уважаемый Илья свою скотину кормил до отвала, полные ясли сена на ночь оставлял, а утром какую-то часть выбрасывал вместе с навозом в приямок в огороде. Собирал эти отходы всю зиму, а летом кизяки из них делал. А сейчас и сена давали коровам мало, в основном на соломенном рационе держали животных, да и сено стало другого качества – прежде чем есть, скотина в две ноздри фыркала бесчисленное количество раз, а потом выбирала, словно понимала: не то подсунули, не должно сено быть смешанным с прутьями из соседнего оврага. Интересно получается: до создания колхозного строя всем сена на животных хватало. В каждом дворе коров, овец, лошадей было пруд пруди, а сейчас на так называемых общественных фермах собрали немного живности, в хозяйствах оставили по одной коровушке, а сена – йок! Куда девается душистое, ароматное сено – уму непостижимо. Между прочим, и кизяков стало меньше, а ведь это – основное зимнее топливо. В те времена в Цалкском районе о каменном угле только в газетах читали, и горы каменного угля видели тоже только в газетах, на фотографиях. Основным топливом для печей были не дрова – лесов в Цалкском районе почти не было, и народ обходился кизяками. Чем толще и спрессованнее были кизяки, тем качественнее они считались, и теплоотдача была лучше. А делались они следующим образом. На солнечную сторону крестьянского двора толстым слоем стелился заготовленный за зиму навоз, почти сухой. Басму, так называли это сооружение в здешних местах, прессовали свободные от дел члены семьи. Долго и упорно, не один и не два дня ходили они по басме и давили ее ногами, практически до тех пор, пока она, высохнув, наконец, становилась твердой, и взрослый человек ходил по этой басме уже как по асфальту. Когда детвора собиралась играть в подвижные игры, взрослые просили это делать на басме. Обычно здесь подростки мерялись силой, проще говоря, дрались, иногда до крови. Соревнования – кто кого положит на лопатки – тоже проходили на басме. Здесь все-таки было мягче, чем на голой земле, и после такой игры, с позволения сказать, басма уплотнялась, словно под прессовальным станком. Высушенную на солнце до окончательной кондиции басму через некоторое время штыковой лопатой нарежали на брикеты и складывали, обычно на каменных заборах, для дальнейшего досушивания.

Хорошим топливом служила и так называемая карма. Исходный материал для нее получали в клетках, где в зимний период содержали овец. В течение нескольких месяцев, если овец было достаточно, а если меньше – то всю зиму, в клетках овечий помет вместе с остатками сена размешивался и прессовался самими животными и постепенно превращался в карму. А когда хозяин видел, что толщина естественной кармы достигла нужной величины, то ее,

так же, как и басму, резали штыковой лопатой на небольшие квадратики и прямоугольники и выносили на улицу досушивать, а потом складывали в сторонке. Из кармы топливо получалось самое лучшее: она долго горела и тепла давала больше. А из кизяков и карм получались машаллы – подобия факелов. Если пастух чей-либо скот не пригонял домой – оставлял случайно на пастбищах, или, бывало, провинившиеся дети не шли домой, боясь отцовского наказания, то хозяева животных или родители не вернувшегося чада, вместе с соседями и родственниками – человек десять – вооружались машаллами. Вилами протыкали брикет кармы, обливали ее соляжкой или керосином и зажигали, а потом поднимали высоко над собой, чтобы освещать путь. Шли по полям и лугам, по дворам, искали не пришедшую домой скотинушку или своих нашкодивших детей, спрятавшихся где-нибудь за забором. Кстати, по количеству заготовленных на зиму запасов кизяков и кармы, можно было определить и уровень материального достатка того или иного крестьянина. У некоторых зажиточных крестьян забор во всей длине, высотой в два метра, был обложен кизяками и кармами. Большие, уложенные с любовью, плитки этого топлива лежали и у забора. С приходом советской власти и колхозного строя уменьшилось в хозяйствах поголовье крупного рогатого скота и овец, меньше стало и зимнего топлива. Нехватку в кизяках народ восполнял с помощью титена, так называли на Цалке сухую коровью лепешку. Титен собирала в основном детвора. Встанешь летом рано утром, протрешь глаза, а мама с мешком в руке подходит к кровати, подает рубашку:

– Давай, сыночек, Ваня Никифоров уже третий рейс сделал, – говорит она и улыбается.

– Как так три рейса, а мне чего не сказал! Ну-ка, давай рубаху! – спрыгнешь с кровати, выхватишь из рук матери мешок и айда на луга. Задача – догнать и перегнать Ванюшу Никифорова. Ладно, подумаешь про себя, цыплят по осени считают, вечером подведем итоги. Посмотрим, кто больше соберет и принесет. Для выполнения задания бежишь как угорелый.

Хорошие кизяки получались из лепешек крупного рогатого скота, особенно если к ним добавить немного остатков сена из яслей. Помет других домашних животных шел на удобрения для огородов.

Работая на ферме, Илья Габо видел и не понимал многие вещи, претворяемые в жизнь новыми общественными организациями. К примеру, Габо удивлялся, почему умные люди из города – а новую жизнь организовывали люди оттуда – в два раза уменьшили рацион корове? Если раньше в селе на зиму заготавливали три-четыре тонны сухого ароматного первосортного сена на каждую фуражную корову, то сейчас запасались всего двумя тоннами на условную единицу крупного рогатого скота. Разве коровы дали честное слово Ленину и Сталину, что будут есть в два раза меньше, а продукции давать в два раза больше, тем более в условных единицах? И это на зиму протяженностью в шесть-семь месяцев тяжелой, холодной погоды. Собранный трудолюбивыми односельчанами и привязанный в наспех сколоченных колхозных фермах, скот чахнул на глазах своих бывших хозяев, превращался в живые скелеты. И происходило это от бездарного отношения новоиспеченных руководителей к крестьянскому делу. Увидев это, Илья Габо вышел из колхоза. Стал он вновь одиночкой, но через пять лет снова подал заявление о приеме в колхоз. Не добровольно, а по настоянию своих взрослых детей, которые убедили отца: «Не иди против власти, пока власть не заметила тебя». К этому времени старшие дети у Габо выросли, некоторые сыновья женились, две дочери вышли замуж, а Терентий и Емельян привели невестушек в дом. В связи с расширением семейства, Илья Пантелеевич занялся строительством комнат для молодых семей. Решено было с северной стороны увеличить дом почти на такую же длину, тем более что размеры огорода это позволяли.

– Комнату и коридор каждой семье нужно выделить. Скоро дети пойдут у молодоженов, негде будет ноге ступить, да и в тесноте дружно жить невозможно, – рассуждал сам с собой Илья Пантелеевич и вместе с сыновьями взялся за дело. Надо сказать, что в деле строительства новых комнат для сыновей посильную помощь оказывала и сторона невесток, сваты Габо. В этих местах существовал такой негласный порядок: девушка, выходя замуж, брала с собой

приданое без недвижимости, тряпки разные, даже корову, а чтобы зять пришел в дом невесты и жил там – никогда, считалось, что это могли позволить или очень слабые во всех отношениях женихи, или очень бедные. Женихи нормальные, умные, знающие, что для молодого человека самое главное – его молодость и здоровье, никогда не могли даже помыслить об этом. Однако помощь от тестя, в любых размерах и в любом виде, даже самый гордый жених принимал, а потому, когда Илья Габо строил своим сыновьям дома, хорошую, огромную помощь оказали сваты. Они не только деньгами, тогда очень скудными, помогали новым родственникам, но и работали от начала до конца стройки. Практически новое жилье молодоженам строили родители с обеих сторон, а почести получала только одна сторона – отец парня.

В зятя Илье Пантелеевичу попались крепкие и уверенные в себе парни. На вопросы, где и как собираются жить молодые, оба зятя, словно сговорившись, ответили: «Без крыши над головой не останемся, но и у тещи жить не будем». Парни были, как и все в Джиниси, трудолюбивые, и через несколько лет, когда колхоз выделил новым семьям земельный участок для огорода и дома, начались стройки у зятьев. И вся семья Габо включилась в работу, даже невестки помогали обустриваться новым родственникам.

Пока сыновья и дочери Ильи Пантелеевича обзаводились новыми семьями, домами и домашней скотиной, на страну обрушилась самая настоящая и большая беда – началась Великая Отечественная война. Сыновья Ильи Пантелеевича Филипп и Василий служили в армии, их забрали еще в тридцать девятом и сороковом годах соответственно, а теперь на войну вместе со многими односельчанами – Ваней Никифоровым, Сергеем Ильичевым, Борисом Каракозовым, Авелем Эминовым, Стефаном Ахмаджевым, Василием Кокозовым, Алексеем Баязовым и еще многими другими пошли Терентий и Емельян. Половина молодых призывников были женаты, некоторые сыграли свадьбу только что. Провожая женихов на войну, невесты, естественно, плакали. Женихи, соответственно, успокаивали, просили не убиваться зазря, дескать, мы еще живы, прогоним немца и вернемся. И вот, сказанные в этот момент неудачные выражения потом стали в селе крылатыми словами, вспоминая их, сельчане по-доброму смеялись. Ваня Никифоров, красивый молодой колхозный чабан, чуть ли не на руках нес беременную жену Тому по селу, когда призывников всем селом провожали на войну. Чересчур ее оберегая неизвестно от чего, Ваня от избытка чувств обронил тихо жене: «Не плачь, Томочка, могут воды отойти, на улице родишь моего первенца». В тот день вроде никто не услышал сказанные Ваней слова, но на следующий день в селе обсуждали бережное отношение Вани к молодой жене и повторяли Ванины слова, удивленно задавая вопрос: «Откуда Ваня знает, что, прежде чем родить, воды должны отойти»? Парень по образованию и профессии чабан – не врач и не ветврач. «Да вы что, – отвечали другие, – он что, не видел, как коровы рожают». Вот так, временами и до сегодняшнего дня, вспоминают тот случай, оброненную Ваней не к месту фразу. Уже Ваня Никифоров стал Иваном Климентьевичем Никифоровым, вокруг него бегают внуки и правнуки, а в селе говорят про этот случай так, словно вчера произошло. Не успели уйти на войну одни да написать по письму своим невестам, как подошло время и младшим сыновьям Ильи Габо, Володе и Варнаве.

Володя был болезненным мальчиком, часто кашлял в детстве, простужался быстро – только секунду на сквозняке постоит или в холоде окажется. Хотя чем взрослее он становился, тем вроде бы и здоровье крепчало, однако родители, зная его состояние с детства, уже думали, как сделать, чтобы Володю не забрали в армию: парень армейские условия жизни не выдержит, здоровье не позволит, полагали отец с матерью. За Варнаву родители не очень переживали: парень рос здоровым, кулачищи точно кувалды, зимой без головного убора и куртки ходит и хоть бы хны, ни разу даже, Господи, помилуй, не чихнул. Пойдет в армию, и если к этому времени немцев не прогонят, то все фашисты через Варнавины кулачищи-то и погибнут. «А Володю надо спасать» – рассуждали Илья Пантелеевич и Мария Варнавовна. И спасали. Когда, через год с небольшим, работники сельсовета принесли Володе повестку, то

не смогли ее вручить предпоследнему сыну Ильи Габо. Не нашли его. Родители позаботились, чтобы Володя не расписался на повестке. Расписаться на повестке и не идти в армию – грозило по законам военного времени очень большими неприятностями, а так – не расписался, значит не нашли парня, а на нет и суда нет. Потому Илья и Мария Габо все делали, чтобы Володя не попался на глаза сельсоветским работникам. У Ильи Пантелеевича был там даже свой информатор, с которым он расплачивался пятикилограммовой головкой овечьего сыра и большой бутылкой самогона-первача. Когда собирались посетить дом Ильи Пантелеевича, тот сразу сообщал, и Габо прятали сына. Более того, Мария Варнавовна до полуночи каждый день не спала, караулила, не идут ли нквдешники за ее златокудрым Володей. Из окна дорога к дому была видна как на ладони, она бы первой заметила, как идет в дом чужой, и успела бы спрятать сына, если понадобится. Но однажды зимой, среди глубокой ночи, два представителя сельского Совета вошли в дом через открытые двери. Хозяева на этот раз забыли закрыть входные двери на засов. В результате Володю обнаружили спящим на печи.

– Одевайся, молодой человек, пришли по твою душу, до райцентра доведем на самых лучших санях, – улыбаясь, сказали сельсоветские и, усевшись поудобнее на свободные табуретки, вынули кисеты, стали самокрутки заворачивать. Представители власти были в годах, курили табак, выращенный в своих огородах.

Родители Володи, пойманные врасплох, стали делать вид, что очень рады пришельцам, стали предлагать то самогон, то чай, одновременно собирая вещи сына. Дорога длинная, теплые вещи и хлеб с сыром из дома не будут лишними. Молодой Владимир, спавший вместе с братом Варнавой на широкой печи, понял, что попался бесповоротно, покрутился несколько раз в постели, потом спустился на пол и стал одеваться. Натянул на ноги связанные матерью из овечьей шерсти носки, так называемые чорабы. Сунул ноги в шаровары и вдруг, на глазах у всех, обулся в отцовские огромные резиновые калоши и, подмигнув представителям власти, вышел с их разрешения на улицу. Чиновники кивнули в знак понимания, мол, парень, не одевшись, как следует, в зимнюю стужу никуда не денется, выходит по нужде. Собирая вещи сына, Мария Варнавовна то и дело всхлипывала, вытирала краем платка разбегающиеся слезинки, а Илья Пантелеевич, ростом чуть ниже жены, искривив круглое лицо гримасой, то и дело на жену при людях смотрел грозно, слегка покрикивал и замахивался клюшкой, которую любил носить с собой.

– Молчи, баба, чего ради слезы распускаешь в два ручья, так и беду накликаешь в дом нетрудно. Слава Богу, парень возмужал, прогонит фрицев и вернется.

Представители власти кивком головы поддерживали Илью Габо и принимались даже рассказывать, как в один дом, хозяйка которого часто любила по поводу и без повода голосить, пришло большое горе – получили похоронку. Как только Мария Варнавовна услышала про похоронку, сразу прекратила свои всхлипывания. Сельсоветчики были разговорчивыми чиновниками. Чувствуя, что завтра их ждет похвала от начальства, а может, и небольшой ценный подарок, стали еще рассказывать истории, самые страшные, которые якобы произошли в их сельсовете, но в соседнем селе, в семье, где к выполнению закона относятся не очень уважительно. Рассказывая истории, чиновники забыли, зачем пришли, начали уже и чай пить, просить другую чашку, и только к утру вспомнили, зачем здесь оказались, и, глядя то друг на друга, то на родителей Володи, в недоумении спрашивали: «А где же Владимир?» Спыхватившись, уважаемые чиновники почти бегом кинулись на улицу, за ними вышли и родители. Окликнули парня. Ответа не было. Начали идти по следам от калош на свежеснеженном снегу, следы были четкие и шли они к дороге. По дороге, перемешавшиеся с другими следами, но еще отчетливо заметные, следы Володи потянулись в сторону речки Корсу, которая находилась на расстоянии двухсот метров от дома Габо. Надо было спуститься по небольшому холму, а потом сделать десятка два шагов – и ты на речке. Следы от калош на льду не были видны. Чиновники и родители посмотрели по сторонам... Поняв, что молодой человек их перехит-

рил – вышел на улицу вроде как по нужде, а скрылся основательно, и не просто будет поймать его во второй раз, сельсоветчики всю свою злость стали вымещать на родителях беглеца.

– Военное время, родители за сына отвечают по полной программе, сейчас вас обоих отвезем в район и скажем, что вы умышленно скрываете сына, за это полагается вам тюрьма, – покрикивали на чету Габо чиновники. А те, радуясь в душе, что сын оказался молодцом и обманул этих дураков, не перечили, слушали угрозы работников сельсовета. Чета Габо понимала, что после произошедшего человеческие нервы могут и не выдержать, а потому пусть сельсоветчики успокоятся, ведь так была близка награда и вдруг – на тебе, пшик оказался в руке. Жаль потерянную ночь – ни сна, ни дела серьезного. Однако, прошагав вместе до подножия холма, откуда дорога, как лучи солнца, разбегалась в разные стороны села, работники сельсовета, недовольно процедив сквозь зубы: «Бывайте», направились в сторону конторы, там, видимо, их ждали сани.

А Владимир, петляя дворами, заметая следы, пришел к себе во двор и, спрятавшись за большой кучей кизяков, ждал, когда выйдут чиновники и будут искать его. Потом он слышал их разговоры с родителями, удаляющиеся в сторону центральной сельской дороги шагами, хрустящими на свежем снегу. Когда те, дойдя до дороги, повернули в сторону речки, Володя вошел в дом, и, как ни в чем не бывало, поднялся на печь. После часов, проведенных в одной нательной рубахе на холодной улице, теплая печь была ой, как хороша.

Еще много раз убегал Владимир от сельсоветских чиновников, им не удавалось вручить ему повестку. Однако он сам решил получить повестку и пойти в армию. Причиной стал разговор еще не ушедших в армию одноклассников и одноклассниц, пожалевших Володю за его серьезную болезнь.

– А чем я болен, что вы меня так жалеете? – спросил удивленно Владимир.

– Как чем? – в свою очередь изумились одноклассники. – Все село говорит, что Володе Габо нельзя служить. Его родители прячут от армии потому, что он весь больной, не вытерпит армейские условия жизни.

– Понятно, – сказал Володя и больше не стал обсуждать этот вопрос, уверив одноклассников, что его здоровье не хуже, чем у других, а прячется он потому, что в метрике у него стоит дата, которая дает ему право идти в армию только весной этого года, а не раньше. – А властям все равно – кто и когда пойдет служить. Лишь бы они план перевыполнили. Я буду служить так же, как и все, – сказал он и перешел на другую тему.

Весной сорок третьего года дела наших войск в войне улучшались. Советские войска, добившись больших успехов на Курской дуге и в битве под Москвой, пошли в наступление по всем фронтам военных действий и начали постепенно освобождать захваченные села и города от немецко-фашистских захватчиков. Явившись в райвоенкомат, Володя Габо вытаскивал свою метрику и, показывая год и месяц рождения представителю военкомата, сказал:

– Я должен идти в армию, дайте мне повестку и отправьте на войну хоть сейчас, а то без меня этих фашистов прогонят, – улыбнулся он, – а я хочу некоторым фрицам тоже башку оторвать.

Представители военкомата, внимательно прочитав записи в метрике, улыбнулись, покачали головой и тут же выписали повестку, а спустя пять дней отправили Володю на военные сборы.

В поселке Храмы, что расположился на глубоком дне Храмского ущелья, недалеко от Цалки, находились казармы так называемого рабочего батальона. В это время в Цалкском районе шли стройки большой государственной важности. Строили ХрамГЭС, шоссейную дорогу из Тбилиси в Ахалкалаки, где квартировали пограничные войска, защищавшие наши южные рубежи. На этих стройках в основном работали заключенные и солдаты так называемого рабочего батальона, сейчас их называют военными строителями. Отслужив без замечаний вместо трех лет четыре года, Владимир Ильич Габо вернулся домой, в родное село

Джиниси и пополнил ряды колхозников. К этому времени, отпраздновав Победу в войне, страна начала подниматься из руин. Полуразрушенная великая страна, как только приступила к мирной жизни, буквально в считанные годы обрела былую свою красоту и даже стала лучше. Как в сказке, из пепла поднимались города и села и становились еще краше, отстраивались по последнему слову строительной науки и техники. Народ, окрыленный Великой Победой в Отечественной войне, в буквальном смысле сворачивал горы, работал не покладая рук от зари до зари, чтобы осуществить свои мечты о лучшей жизни. В колхозе села Джиниси подъем народного духа выразался в том, что люди работали без сна и отдыха, получая за свой труд так называемые «палочки» – трудовни, за которые осенью в урожайный или неурожайный год получишь мешок зерна вперемешку с воробьиным пометом и полподводы – в лучшем случае – картошки. Колхозники и за эти крохи были благодарны Великому Сталину, партии и родному правительству. Понимали, что, слава Богу, закончилась война и стране нужна крестьянская поддержка. Зато как отстроимся, в душе мечтали крестьяне, будем жить припеваючи, по-людски. Семья Ильи Пантелеевича Габо страну свою восстанавливала меньшим количеством, чем защищала в войне. Получили похоронки в конце войны на Емельяна и Терентия. Без вести пропал Василий.

По словам вернувшихся с войны солдат, Василия видели в Белоруссии в конце сорок четвертого года, а потом его след пропал. В этот же период и письма от него перестали приходить в село. Что случилось, почему без вести пропал Василий – никто не знал. Но родители, ежедневно подолгу глядя в фотографии погибших и пропавшего без вести сыновей, тихо прослезившись, тут же вытирали глаза, оглядываясь по сторонам, чтобы дети не видели, про себя произносили: «Вы для нас живы и ждем не дождемся вашего возвращения». Тем не менее, шло время, проходили годы, молодые вдовы Терентия и Емельяна, смазливые лицом, не стали хоронить себя зазря, нашли новых мужей, освободили комнаты, забрали и приданое. Вернулся с войны Филипп, женился и привел красавицу Варвару из рода Пасеновых. Родители после свадьбы выделили им хоромы Терентия. На очереди были Володя и Варнава.

Шел пятидесятый год, колхоз села Джиниси получил в этом году невиданный урожай картофеля. На трудовень выделили, к удивлению всех колхозников, по целому пуду. Заработанный урожай, по несколько подвод на каждый крестьянский двор, развозили неделю. Картошки – крупной, рассыпчатой – у джинисцев было столько, что казалось, будто пришли времена, когда и простому человеку солнце стало светить по-настоящему.

Председатель колхоза, Николай Ефремович Эминов, бывший учитель русского языка и литературы, был выдвинут на должность председателя исполкома района и награжден орденом Ленина. Из всех районов Грузии учиться у Николая Ефремовича – как получить высокие урожаи – приезжали большие чиновники. Однако не успел Николай Ефремович получить свой орден и пересест в высокое районное кресло, как бедного учителя среди ночи вдруг забрали НКВДшники. В районной газете писали, что из-за халатности председателя Джинисского колхоза десятки тысяч тонн нужного для страны продукта не были получены. Если бы колхоз третий раз обработал картофельные плантации, то, по мнению специалистов, урожай был бы куда выше. Именно председатель Джинисского колхоза дал безграмотное распоряжение не проводить окучивание подросших плантаций отдельно, как положено наукой, а совместить вторичную обработку и окучивание. О том, что колхоз получил урожай, невиданный в этих краях, никто и не вспомнил. И о том, что за всё время существования советской власти ни одно хозяйство в районе не получало столько первосортного картофеля, никто не сказал. В районе, на собраниях в коллективах, в печати все только ругали Николая Ефремовича. Доводы бывшего председателя Джинисского колхоза были такие: картофельные плантации поднялись неожиданно из-за обильных дождей и солнца, и лучшим способом обработки было совмещение вторичной обработки с окучиванием, сделанное своевременно, иначе в поля было бы войти невозможно без ущерба для растений: ботва поднялась высоко, стебли были такие толстые, что

при нечаянном прикосновении ломались. Может быть, эта совмещенная обработка и привела к такому высокому урожаю, ведь ни одно хозяйство в районе не получило и половины того, что получили джинисцы.

Резонные, умные, основательные доводы председателя колхоза никем не были услышаны. По большому счету, ни большим начальникам районного масштаба, ни простому народу судьба председателя колхоза, сумевшего вырастить такой обильный урожай, не была интересна, а голоса заботливых родственников никто на высоком уровне не захотел услышать. По анонимке недоброжелателей, был выведен из строя оказавшийся на своем месте талантливый организатор. Крестьянский сын, сам с детства знавший, почем фунт изюма, любивший и знавший сельское хозяйство, в первый же год своего председательства он показал великолепные организаторские способности и профессионализм, подобно своему отцу, Ефрему Николаевичу. Оказавшийся в царской армии перед первой мировой войной, Ефрем Николаевич воевал так умело и усердно, что вернулся домой полным кавалером Георгиевского креста и в звании поручика. Теперь же, как понимал Николай Ефремович, страна была другая и находилась она на такой стадии своего развития, что, при желании, по анонимным сигналам человека можно было запросто посадить в тюрьму, невзирая на посты, заслуги и прочие его способности, тем более, если это сын офицера царской армии.

Первый секретарь райкома, видимо, не до конца поверив анонимке, всё-таки пожалел бывшего литератора и предложил ему написать добровольный отказ от должности со словами искреннего признания вины и раскаивания в содеянном, а также просьбу о возвращении его на учительское поприще. Николай Ефремович так и сделал, понимая, что если люди не хотят слышать веские доводы, то свою правоту в кабинетах сегодняшней власти не доказать. «Лучше остаться без партийного билета и должности, с которой могут всегда спихнуть, да так, что больно ударишься о землю. Лучше честно делать свою учительскую работу, выводить собственную семью на более высокий уровень жизни, чем идти против власти, зарабатывать инфаркт и в зоне гнить» – решил бывший председатель колхоза. После полугодового отсутствия он появился в селе и стал вновь учить детей русскому языку и литературе.

– Что обидно, – иногда вспоминал Николай Ефремович, – колхозники получили столько картошки, что, продав её, многие не только впервые в жизни деньги увидели, у них в руках появились живые деньги. Но не заступились они за своего председателя. И против ничего не сказали, и явной защиты не было.

Впоследствии в колхозе никогда такого урожая не было, и все вспоминали добрым словом тот год. Но защитить своего председателя от клеветы тогда никто не осмелился. И это было самое обидное, это задевало бывшего учителя так, что не смог он дальше преподавать детям русский язык и литературу, а, окончив курсы в Тбилиси, переквалифицировался в географа.

В этот же урожайный год Владимира Габо, звеньевое полеводческой бригады №3, который получил в колхозе среди звеньевых самый высокий урожай, поставили бригадиром. Став бригадиром, Володя решил создать семью, у него на примете были самые видные сельские девушки. В доме Габо родители уже готовились к сватовству, ждали, когда сын назовет адрес, куда идти. Володя по внешности был очень красивым парнем, девушкам нравился, а некоторые были от него без ума. Научившись играть на аккордеоне, Володя увеличил свой список потенциальных невест, а когда его назначили бригадиром, в списке появилось еще несколько имен. И теперь двадцатилетний парень решил жениться.

– Рано или поздно, все равно надо это сделать, – рассуждал Владимир, когда родители поднимали эту тему.

– Расти ты уже больше не будешь, люди вытягиваются вверх самостоятельно до двадцати пяти. И мы не молодые, – напоминали временами сыну Илья Пантелеевич и Мария Варнавова, – женишься раньше – раньше на ноги встанешь.

Вроде и родители требуют, чтобы сын привел в дом невесту, сам он не против, однако что-то не торопится, оттягивает время, на прямой вопрос отца: «Ну, так в чей дом пойдём просить руки девушки? Назовешь, наконец?» отвечает, убегая от дальнейшего разговора: «Почти готов, назову, назову скоро». Дело было в том, что никакой радости в душе не появлялось, когда Володе напоминали о женитьбе. «Да, жениться надо вообще, но не в данную минуту. Это же тебе не пряники в магазине покупать, а жениться, надо это сделать не торопясь, много раз взвешивая и сравнивая» – рассуждал сам собою Владимир. Как—то раз, на колхозном жеребце по кличке «Мальчик» – высоком, статном, коричневой масти и с белой, словно нарисованной, пятиконечной звездой на лбу, Володю отправили в соседнее село Хандо. Надо было приобрести для колхоза несколько пар стропил – прохудилась крыша колхозной конторы и ей требовался небольшой ремонт. Село Хандо находилось ближе к лесу, и его некоторые жители, рискуя свободой, иногда ночью срубали тонкие – диаметром в двадцать-двадцать пять сантиметров – сухие или раненые деревца, для стропил. Заготавливали, а потом нелегально продавали. На коне можно было привезти много стропил, тем более что и Володе нужна была пара штук.

Село Хандо раскинулось на склоне безымянной горы Триалетского хребта в северной части Цалкского района. Чтобы добраться туда из Джиниси, надо было проехать сначала село Авранло, расположенное буквально у подножия этой безымянной горы, а потом уж, поднимаясь по склону горы, попасть в Хандо. Перед выездом из Авранло, держа направление в сторону села Хандо, Володя вдруг увидел во дворе последнего дома, обнесенного невысоким, из базальтового камня, забором, «объект». «Объект» этот заставил Володю вдруг резко потянуть узду коня назад, чтобы остановиться. Однако жеребец не хотел останавливаться. Он производил бег на месте. Поднимал голову к небу, встряхивал головой с бешеной силой, фыркал с таким звуком, что в самом Хандо был слышен этот звук. В такой сложной обстановке Володя то и дело бросал свой взгляд на этот «объект» – девушку неопишуемой красоты. Тихо напевая какую-то мелодию, она старательно убирала двор. Намерение остановить жеребца, который никогда и шагом-то не ходил, аллюр и галоп – его любимые способы движения, Володе не удавалось. Но очень хотелось ему красавицу со всех сторон рассмотреть.

Громкое фырканье коня заставило девушку прервать свое занятие. Подняв голову, она стала наблюдать за своеобразным незнакомым всадником. А жеребец, не переставая шагать на месте, словно танцуя, пофыркивал с такой силой, что казалось, будто созданные им сотрясения воздуха могут сбить человека, стоящего рядом. Через считанные секунды конь оказался у забора, рядом с удивленной девушкой. Володя, светясь как солнце, обеими руками натягивая узду в намерении остановить жеребца хотя бы на секунду, все время смотрел на девушку. И когда конь, видимо, пожалев седока, остановился на мгновение, Володя, не найдя ничего лучшего, чтоб начать разговор, глядя в сторону, попросил у девушки кружку воды. Улыбнувшись, девушка кивнула головой в знак удовлетворения просьбы и легко побежала в дом. Глядя ей вслед, Володя проникся чувством, до сих пор ему не знакомым. Ни одна девушка в мире так его не взволновала. Чтобы Володя при виде девушки глаза отворачивал? Непонятно, от каких чувств? Не было такого, и, думал он, никогда не будет. «Ан нет, ошибся, душу перевернула верх тормашками эта хрупкая, чересчур симпатичная девушка» – думал про себя Владимир Габо и собирался, когда придет девушка, спросить ее имя, и при этом чувствовал, что изнутри его охватывает жар, на лбу, на кончике носа даже россыпь мелких капелек пота появилась. Машинально вытерев выступивший пот кулаком, неотрывно глядя на дверь, за которой скрылась девушка, он нетерпеливо ждал ее возвращения. Потом вдруг Володе показалось, что она не придет. «Вошла в дом, родителям сказала о конном путнике, – рассуждал Владимир, – и те ей запретили выйти на улицу, кружку воды могут сами принести. Воды-то мне не надо. Если принесут другие члены семьи, придется выпить глотка два-три» – думал он. И в этот момент в дверях показалась она, с белой эмалированной кружкой в правой руке. Слегка улыбаясь,

девушка осторожно ступала ножками, чтобы вода из кружки не проливалась. Подошла к всаднику, подала, а тот нагнулся почти до уровня седла, чтобы взять у нее кружку. И в момент, когда встретились руки всадника и девушки, их радостные, улыбающиеся глаза тоже встретились. И Володя уже не отвел своего взгляда, как прежде, а спросил ласково, когда, наконец, кружка с водой оказалась в его руке:

– Как тебя зовут?

– Фрося, – тут же, в тон ему ответила девушка и опустила взгляд.

– А меня как Ленина, Владимир Ильич, – со смешинкой в глазах произнес всадник.

– Очень приятно, – вырвалось у девушки. Она почувствовала, что нравится ему, несмотря на такое беспокойном коне оказался здесь, у их забора. И от этой мысли ей стало и приятно, и беспокойно, что-то и ее стало тревожить. Ждала, когда он выпьет воду и вернет кружку, чтобы она могла уйти домой. Но не получилось так. Всадник воду пил глотками: делает глоток, передохнет, снова делает глоток. И при этом приговаривает:

– Холодная, вкусная вода, зубы ломит, придется еще кружку выпить.

Девушка улыбнулась ярче светильника:

– А у нас всегда вода такая, рядом с нашим домом ключ бьет, отец провел по трубам воду в дом, мы теперь как в городе живем: открываем кран и вода пошла, – сообщила девушка.

– Тебе повезло, – заметил Володя, – к колодцу в центр села не надо каждое утро идти. А у нас каждое утро мама ведрами носит. Вот не повезло мне, Фрося, ни одна девушка не захочет выйти за меня замуж, узнав, что ей придется всю жизнь воду из колодца таскать.

Фрося задумалась и не ответила. Володя настаивал:

– Ну, скажи, Фрось, из-за воды мне заказана дорога к семейной жизни?

Наступила пауза. Володя вновь начал разговор со своего вопроса. Девушка, светясь еще ярче от широкой улыбки, сказала:

– Для счастливой семейной жизни вода не причина.

– Тогда, Фрось, завтра вечером я буду здесь на этом же коне, покажешь только, где коня привязать, чтобы беды не натворил, а то видишь, пряткий какой он...

– Да вы что, завтра родители будут, что я им скажу, – прервала Фрося Володю.

– Ты не волнуйся, я найду в дом и все сам родителям твоим скажу, – и, передав девушке, уже в четвертый раз, пустую кружку, направил коня в сторону села Хандо.

На следующий день, как и обещал Фросе, Владимир Габо приехал на колхозном жеребце, «Мальчике», к ней домой. Отец Фроси, Андрей Антонович, в углу двора, почти у самой дощатой калитки, переворачивал сено, высушивая на солнце небольшую копну, откуда-то принесенную, скошенную у какой-то канавки, потому что, во-первых, рядом с сеном стояла прислоненная к забору коса, и, во-вторых, в этих краях без разрешения колхоза сено косить для себя лично не было принято. Для себя сено можно было косить после заготовки и скирдования колхозу фуража, если, конечно, оставались еще неудобные для косьбы берега рек, канав и прочие места. Так как пока в районе не приступали к сенокосу, то уважаемый Андрей Антонович мог скосить это небольшое количество сена только где-нибудь рядом, поблизости от дома, у придорожных канав. Поздоровавшись с гостем и познакомившись, Андрей Антонович, зная место прописки коня, знаменитого на весь район, спросил:

– А как в Джиниси дела? Неужто новый ваш председатель, Георгий Ильич Христианов, разрешает всем желающим на «Мальчике» кататься?

– Всем нет, но мне разрешили. Тем более что мой приезд связан с радостным событием...

– Каким событием, неужели, не начав еще сенокос, джинисцы закончили его? – перебив собеседника, улыбнулся хозяин.

– Нет, Андрей Антонович, – слегка улыбнувшись, в такт хозяину произнес Володя. – Радостное событие касается меня самого лично. Я пришел просить у вас руки вашей дочери, Фроси, – сказал Владимир, и, вдруг посерьезнев, и даже слегка испугавшись собственных слов

и смелости, стал глядеть пристально на хозяина дома. А тот, в свою очередь, ожидавший всего, но не этого, так как дочери-то всего семнадцать лет, только что окончила школу, и в голове девушки только мысли об учебе в медицинском институте. Надежда Яковлевна Эминова, родственница из Джиниси и студентка Курского мединститута, столько рассказала об этом институте Фросе в письмах и встречах, что девушка уже влюбилась в город Курск, но не в парней, и уж тем более замуж выходить...

– Тут что-то не то, – рассуждал Андрей Антонович. – Может, он увидел ее и влюбился, – пронеслась в его голове мысль, – это может быть, наверное, так и есть. При нормальных отношениях парня и девушки руки ее просят в наших краях у обоих родителей, а не только у отца, – далее рассуждал он. – Но в любом случае – парень смелый, раз один, а может, нет у него родственников, кует свое собственное счастье.

А вслух парня спросил:

– А Фрося что, согласна?

– Не знаю, – услышал неожиданный ответ. Перестав ворошить сено, Андрей Антонович вилы воткнул в землю и, держась обеими руками за конец ручки, уперся на нее всей верхней частью корпуса и повернулся в сторону гостя.

– Симпатичный молодец, – отметил он про себя, – не женственно красивый, а мужчина-красавец, таких девушки любят, и лицо волевое, мужественное. Однако на что он рассчитывает, если даже с девушкой не поговорил. Неужели думает, что любая девушка за честь сочтет выйти за него замуж.

– Володя, – с улыбкой в глазах обратился отец Фроси к гостю, – вы меня удивили. Я буду молчать, мое мнение не имеет значения, но с девушкой вы не поговорили, а она вам ответит только «нет». Не верите мне, идите, поговорите с ней. – Андрею Антоновичу почему—то стало жалко Володю. «Первый раз слышу, чтобы парень вот таким образом жениться собрался» – пронеслось в его голове и, улыбнувшись, он покачал головой.

– Ну что, – глядя на гостя по-доброму, спросил хозяин, – пойдешь, поговоришь с девушкой? Или уже расхотелось – сядешь на коня и поедешь в свое Джиниси?

– Пойду поговорю, Джиниси подождет. Только скажите, куда коня привязать? – спросил Владимир, глазами ища соответствующий гвоздь на столбах балкона.

– Да вон туда, к столбу веранды и привяжи, – показал рукой Андрей Антонович, а сам, прислонив вилы к забору, направился в дом, клича на ходу:

– Софья, Софья! Принимай гостя.

В это время входная дверь дома отворилась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти, с длинными рыжими косами ниже пояса, в разноцветном фланелевом халате и в калошах.

– Принимайте, Софьюшка, гостя. Парень он хороший и дело имеет к нам серьезное. Думаю, можно и сто грамм пропустить, яичницу сделать.

– Да, да, конечно, Андрюша, сейчас все сделаем. Проходите, молодой человек, – только сейчас хозяйка дома за спиной мужа заметила гостя.

– Ой, какой красавец, – отметила про себя она. И тут же подумала: «Вот бы такого парня Фросе Бог послал».

Хозяин и гость зашли в дом, закрыв за собой дверь. Войдя в комнату слева из коридора, Володя поздоровался с Фросей – с раскрытой книгой, она сидела у окна за столом. Ответив на приветствие, немножко удивившись, с легкой улыбкой на лице, Фрося, с книжкой в руке, вышла из комнаты. На место, где до этого сидела девушка, хозяева усадили гостя. Окинув взором комнату, Володя заметил, что в чисто прибранной комнате по стенам стояли три, цвета морской волны, металлические кровати, аккуратно заправленные. У стены, между двух окон, стоял стол, покрытый клеенкой в клеточку коричневого и белого цвета, за этим столом он и сидел. На подоконнике стоял радиоприемник, на столе – керосиновая лампа, видимо, на случай отключения света. В Цалкском районе электричество появилось совсем недавно, подача

электроэнергии не была отработана, а потому керосиновая лампа оставалась в каждом доме главным атрибутом интерьера. Володя заметил, что к спинкам кроватей были приставлены синего цвета табуретки, покрытые белыми салфетками, вышитыми по краю.

В углу, напротив стены, где он сидел, стоял огромный старинный буфет с резными дверцами и разрисованными стеклами. Спинка кровати у этой стены почти касалась боковой стенки буфета. Из коридора доносился негромкий звон посуды. Андрей Антонович, здоровый мужчина лет пятидесяти пяти, коренастый, среднего роста, с черными кудрями, подошел к буфету, достал бутылку самогона – бутылка не была запечатана заводской пробкой, в горлышко ее была всунута скрученная бумага.

– Как спирт, с собственной фабрики, – гордо, с радостью на лице сообщил хозяин дома, ставя бутылку на стол. Потом снова подошел к буфету, открыл дверцу и достал оттуда два стограммовых граненых стаканчика и поставил на стол рядом с бутылкой. Сев напротив за стол, сказал:

– Выпьем по стаканчику за знакомство, потом поговоришь с Фросей, а то после разговора с ней тебе не до нее будет, – и кивнул в сторону бутылки.

– Спасибо, я не пью, – ответил Володя, – и есть не хочу. Может, разрешите мне с Фросей поговорить, чем здесь...

– Нет-нет, – перебил гостя Андрей Антонович, – сначала нужно познакомиться, а потом, с кем хочешь, говори, – и стал наливать в стаканы самогон. – Ты знаешь, как я этого змия делаю: три раза перегоняю, конечно, не всегда, а только для себя и когда надо очень хорошего человека угостить первосортной продукцией.

Володя понял, что хозяин дома хочет похвалиться перед ним изготовленной продукцией, а потому, когда через секунду Софья Александровна положила на стол домашний овечий сыр, хлеб и по два добрых куска омлета, он пропустил стаканчик по настойчивому предложению хозяина. Действительно, продукт был изумительный, тянул градусов до семидесяти. Похвалил Владимир доброе зелье, за что хозяин еще плеснул сначала себе, потом гостю. Владимир ладонью закрыл горловину стакана:

– Нет, спасибо, Андрей Антонович, я больше не буду. Продукт сильный, а конь мой не терпит запаха спирта.

– Ты что, – глядя по сторонам, воровато произнес Андрей Антонович, – у нас в селе не принято гостя отпускать, угостив его одним стаканом, тем более в зятя набиваешься, изволь слушать старших.

Володе пришлось включить задний ход:

– Только не до краев, оставьте для губ место, – произнес он, улыбаясь уже от действия самой водки.

Когда выпили по второй стопке и не успели еще поставить на стол пустые стаканчики, хозяин дома тут же плеснул еще:

– Бог любит троицу, мы с тобой православные христиане, должны уважать православные каноны, – сказал Андрей Антонович, и, кивнув головой, чтобы гость не пропустил, а выпил свою стопку, сам проворно отправил зелье куда надо, стал закусывать.

Володя, выпив и третью стопку, сказал:

– Спасибо вам, Андрей Антонович, за теплый прием. Я поеду домой, приеду завтра, если вы разрешите, сегодня я разговаривать ни с кем не буду. С запахом самогона перед красавицей девушкой оказаться не хочу, – он встал и направился к выходу.

– Приходи, приходи, молодой человек, лично я буду рад, – ответил хозяин дома и тоже встал, чтобы проводить Володю. Проводив его за забор, Андрей Антонович вернулся домой. Софья Александровна в этот момент убирала со стола бутылку, на дне которой еще осталось немного водки.

– Оставь, Софьюшка, не уноси бутылку, допью. Что-то аппетит у меня разыгрался, кусочек сыра тоже оставь.

– Не много ли будет, Андрюша, в последнее время ты часто стал увлекаться этим, ищешь повод, чтобы лишний стакан употребить, – наводя на столе порядок, произнесла жена, потом сразу спросила:

– А что за молодой человек был? Симпатяга. Откуда он, чего хотел? Вот бы такого парня нашей Фросе найти.

– А что, парень как парень, чем он лучше других, – сердито смотрел на жену Андрей Антонович и вдруг, не докончив мысль, поменял тему. – Ты в последнее время много говорить стала, зубки прорезались, уж в своем доме и сто грамм с гостем выпить нельзя. Лучше будет для тебя, если поменьше заметишь, как в бутылках содержимое уменьшается...

– Ну ладно, ладно, ты лучше о госте расскажи, чего хотел-то он, – перебила Софья Александровна мужа.

– Не скажу, раз ты из мухи делаешь слона. Выпили сто грамм, можно подумать, целый чан вина опрокинули. Парень из Джиниси был, приехал жениться на нашей дочери...

– Как на нашей дочери жениться? – перебила удивленно хозяйка дома. – Фрося! Фрося! Иди-ка сюда!

Через секунду вошла Фрося с книжкой в руке.

– Чего, мам, ты меня звала?

– Да. Ты этого парня знаешь? – сердито, прокурорским тоном спросила Софья Александровна свою дочь.

– Какого парня? – сделала непонимающий вид Фрося.

– Да этого, который на коне уехал только что.

– Да, мам, вчера познакомились. Он тут проезжал, попросил воды попить, я ему и принесла. А что, не надо было воды давать?

Мать продолжала:

– И вы не познакомились, он тебе не назвался?

– Назвался. Как Ленина, сказал, меня зовут – Владимир Ильич.

Все члены семьи засмеялись.

– И все? Зачем сегодня он приезжал, не знаешь? – допытывалась мама Фроси.

– Знаю, мам, сказал: приеду, с твоими родителями познакомлюсь. Я думала, вы его проводите, не станете разговаривать, а вы с ним водку пили.

– Цыц! Не твое дело, с кем мы самогон пьем, – вмешался отец, обидевшись на замечание дочери. – Ты что, вчера его домойпустила? В наше отсутствие? – грозно смотрел на дочь Андрей Антонович.

– Нет, зачем же, он за забором на коне был.

– Ладно, ладно, – вдруг примирительно произнесла Софья Александровна, – чего мы расшумелись зря. Скажи, Фрось, вчера этот парень больше ничего не сказал?

– Нет, – ответила Фрося, – сказал, приеду, познакомлюсь с твоими родителями...

– Да это ты говорила, – перебила мать девушку. – Больше ни о чем разговор не вели? – настойчиво допытывалась она.

– Да нет же, воды выпил и уехал...

– Куда? – перебила снова мама дочку.

– В сторону Хандо.

– А откуда ты это знаешь? Это он сам сказал тебе?

– Ничего не говорил он мне, увидела через забор, как поехал в гору в сторону Хандо...

– А-а-а, ну ладно, ладно, ты это говорила уже, – вновь перебила хозяйка свою дочь. – А ты, Андрюш, с чего взял, что он жениться хочет на нашей Фроське? – грозно взглянула на мужа Софья Александровна. – Сам придумал?

– Нет, он сказал. Чего глупости болтаешь, – обиженно произнес муж.

– А как он сказал, какими словами, можешь повторить?

– Да что ты так ведешь себя. Что наша дочка – косая, хромая, дура, что ли? Такую красавицу, как она, мигом заберут, не успеешь оглянуться, – недовольно, не глядя на жену, буркнул хозяин дома.

– Не говори, Андрей, прекрасно знаешь, красивые девушки в основном, особенно в наших краях, попадают на шалопаям, полубандитам и дуракам. Сейчас время такое, девушек пруд пруди, сам знаешь, война не пожалела, скосила многих наших парней. Выдать дочь за нормального парня – мечта многих родителей. Ты, Андрей, не мешай нам, девочкам, мы с Фросей сами здесь разберемся. Ты лучше иди во двор, корова должна сейчас прийти, да и кур надо в хлев запустить, ты открытой оставь дверь хлева, птицы сами зайдут...

– Хорошо, хорошо, учительница, любишь нотации читать, как малым детям, – вставая с места, недовольно высказался Андрей Антонович и вышел на улицу.

В тот вечер мать и дочь долго разговаривали. Софья Александровна убеждала дочку, которой и без того Владимир Габо понравился так, что она могла бы любую мечту отставить в сторону, лишь бы быть вместе с ним. В глубине души Фрося даже подумала, что пошла бы за ним даже на неделю куда угодно. Подумала так и сама испугалась своей, настойчиво кружившей в голове, мысли. «Что же это такое, никогда я о парнях так не думала, неужели я тоже влюбилась? А почему нет, если он может с первого взгляда влюбиться, почему я не могу» – рассуждала молодая девушка под монотонное нравоучение матери, слова которой до нее не доходили.

– Ты поняла, Фрося? Парень он, сама видела, красивый, выдержанный, серьезный, основательный. Отец говорит – и не глупый, так что не отфутболь его, – учила уму разуму свое чадо Софья Александровна. У Фроси самой с каждой минутой все больше мысли становились заняты этим, неожиданно ворвавшимся в ее жизнь симпатичным парнем, а мама своей агитацией подливала еще больше бензина в пожар, охвативший девичье сердце. Семнадцатилетнюю барышню начало охватывать такое волнение, что книга перед глазами казалась чистым листом, на котором должна она написать письмо любимому. Не читалось, не думалось о науках, уже и учебу в институте, куда хотела поступать днями назад, девушка стала подвергать сомнению. А надо ли учиться? Для чего вообще учатся люди? Лучше с любимым человеком быть вместе, чем кто знает, где учиться. В голову Фросе полезли мысли о любви, и ее планы по поводу продолжения учебы в институтах и университетах поменяли свою окраску. Дело в том, что Фрося Андреевна Сатирова окончила Цалкскую среднюю школу месяц тому назад и готовилась поступить в Курский медицинский институт. В селе Авранло в то время средней школы не было, а в Цалке у Фроси жила тетья, потому ее и определили родители для окончания школы туда, хотя средняя школа была тогда и в Джиниси. Определяя дочь в Цалку, родители полагали, что раз девочка в Авранло окончила восемь классов на одни пятерки, пусть и школу окончит в самом районном центре. Все-таки там и педагоги более сильные, да и жить где есть, а не отмерять шагами каждый день расстояние от Авранло до Джиниси. Хотя и не так далеко туда – коротким путем в хорошую погоду километра четыре, но все равно, тяжело пешком идти, особенно зимой. Тетья даже не стала слушать брата своего, то бишь отца девочки, который выразил мысль не обременять своими проблемами сестру, а сказала тоном старшей родственницы: «Ты помолчи, не тебе ходить туда-сюда каждый день. Не беспокойся, не проест она меня, что моим детям буду готовить, то и ей». Так и порешили, и вскоре Фрося оказалась в Цалке. Родители, конечно, помогали: в две недели раз отвозили харчи, то яйца, то мяса и так далее. Ученицей Фрося была изумительно смышленной, получала по всем предметам одни пятерки. Прочувшись две четверти, далее она в конце каждой четверти от всех учителей получала отличные отметки автоматически: те уже хорошо знали, что Фрося не может не выучить уроки. Когда через год, окончив девятый класс, Фрося приехала домой в Авранло,

то познакомилась со студенткой Курского мединститута Надеждой Эминовой. Та была уже на четвертом курсе, а Софье Александровне приходилась племянницей. От Надежды юная школьница узнала о Курском мединституте и загорелась желанием стать его студенткой, готовилась серьезно и основательно, биологию из рук не выпускала. Вот-вот ждали получения аттестата зрелости, а затем девушка собиралась поездом поехать в город Курск, где ее должна была встретить двоюродная сестра Надя Эминова. А там – сдача документов, консультации, экзамены и студенческая милая пора. Однако парень из Джиниси – Володя Габо – спутал все мысли юной барышни, и она стала думать не о том, как на отлично экзамены сдать, а о том, когда же приедет на своем беспокойном коне милый сердцу молодой человек из соседнего села. И он приезжал. Три дня еще приезжал Владимир Габо к своей возлюбленной, на четвертый день прислал сватов, а через неделю сыграли два села пышную, шикарную, громкую, веселую свадьбу. На столах в те далекие, тяжелые для страны годы, было всего вдоволь, особенно квашеной капусты, вареной картошки и баранины. Илья Пантелеевич на свадьбу сына двух баранов на мясо пустил и достал много самогона первосортного, из ячменя изготовленного им самим, между прочим, самым знаменитым в здешних местах умельцем гнать удивительно хорошее зелье. Многие приходили к Илье Пантелеевичу и консультировались, как получить качественный продукт. Он знал какой-то особый рецепт, добавлял туда еще кусочек коры дуба, и его водка, мягкая, коньячного цвета, шла как лимонад, за милую душу, и никогда по утрам голова не болела. Говорили, что Илья Габо знает особый секрет, добавляет еще что-то, и оно нейтрализует все сивушные масла.

Конечно, в те далекие строгие советские времена водку гнать не так-то просто было, но в здешних местах не было принято гнать водку для продажи. Редко кто водку-самогон продавал. Самогон гнали только для себя, для нужд семьи: отметить праздники, угостить друзей, самому перед обедом или ужином пропустить стаканчик-другой и так далее. Словом, свадьбу сыграли Володе и Фросе отменную, оба села – и Джиниси и Авранло – долго говорили об этом торжестве и в разговорах отмечали, что если и делать свадьбу, то именно такую: веселую, пышную, многолюдную и с обильными яствами.

Глава 2

Отбарабанили свадебные барабаны, отзвучала свадебная гармонь, закончились праздники души. Наступили будни. Молодая невеста оказалась не только слишком юной и чересчур не по-деревенски красивой, но и, на удивление всему селу Джиниси, не по годам умной и мудрой. На следующий после свадьбы день Фрося вместе с мужем вышла на работу в колхоз. Удивилось все село, увидев ее идущей на работу в поле со всеми колхозниками и колхозницами. «Как же так, только что девушка замуж вышла. В ушах звенят еще песни и пляски на ее свадьбе, а она на работу, хоть бы неделю отдохнула» – говорили одни, удивляясь искренне ее поступку. – «А что дома делать, пусть свекровь домашнюю работу делает, не так стара, может Мария Варнавовна и без невестки справиться с любым делом» – говорили другие. Третьи еще что-нибудь добавляли, пока шли до рабочего места на картофельной плантации. А как только приступали к работе, заканчивались все разговоры, потому что работа была тяжелая, и заработка, хотя и мизерный, шел от количества выполненной работы.

По колхозу шло окучивание картофельных грядок, а в те времена в колхозе села Джиниси эти работы делались вручную, штыковой лопатой и тяпкой – по желанию работника. Кто делал лопатой, тот обрабатывал большую площадь, но было труднее и тяжелее, чем тяпкой, потому что лопатой, как и в случае первичной обработки, работник выкапывал землю посередине двух грядок, поднимал ее и бережно укладывал ровным слоем у корня ботвы картофеля, а тяпкой, как известно, землю тонким слоем с грядки тянешь к кусту. Как только приступали к окучиванию – забывали обо всем, а садились на перекур – вновь начинали.

Главной новостью в этот момент был выход на работу невестки Ильи Пантелеевича, Фроси. Не жены бригадира, а именно невестки Габо, ибо эту новость обсуждали не только в бригаде №3, где бригадировал муж Фроси, а во всех бригадах, их было тогда шесть. Интерес к невестке был огромен еще и потому, что она была видная, сногшибательно красивая: одни голубые глаза и длинные ресницы, кончики которых слегка приподнимались вверх, стояли многого. Кроме того, она имела и осанку такую, словно ее пропустили через самый точный строгальный станок, прилепив к ушам аппетитные ноги. Плюс к тому, училась она отлично. «Володя Габо – самый счастливый человек» – считали сельские парни. А старшее поколение отмечало, что Бог дает каждому то, чего он достоин. Симпатичному умному парню досталась симпатичная умница-жена. Что касается учебы, то в планах Володи было через год отправить свою молодую жену в Цалку, в педагогический техникум, не зря же девушка столько знаний получила, не пропадать же им.

Однако вскоре интерес односельчан к Володиным делам ослаб, появился новый объект их внимания: женился Варнава, младший брат Володи. Все бы ничего, если бы Варнава женился, как положено, нормально, как женится большинство людей на земле. Дело в том, что Варнава был женат на Шуниной Евдокии. Прошло всего два дня, как засватали дочку сельского плотника Агафона. Все было хорошо, несколько бутылок первосортного самогона выпили в доме невесты во время сватовства, молодые сияли, как новые алтынные пятаки, очень скоро вышли вместе на улицу. Что там делали – никто не знает, но в тот вечер молодые обнимались и целовались достаточно. На следующий день Варнава сказал родителям, что пойдет после работы навещать невесту, придет, мол, поздно, чтоб не ждали. Сразу после работы молодой жених направился в сельмаг, а оттуда, известное дело, купив сладости, взял курс в сторону дома плотника Агафона. Ушел из дому вечером, часов в шесть, а вернулся через полчаса и не с Евдокией, а с Маняшей Ильичевой, сельской певицей и танцовщицей.

Все село бурно обсуждало этот случай. Почему Варнава, серьезный парень, женившись по любви, вроде все было вначале хорошо, выкинул, видите ли, какой фортель. Было много мнений, самых разных и противоречивых. Человеческая фантазия в этих вопросах очень

богата. Высказывались такие мнения, такие причины, что если бы услышала Евдокия Шунина, наверное, повесилась бы. Высказывалось даже мнение, что бедная Евдокия была гермафродитом, и, ложась спать вместе, Варнава заметил шишку там, где не должна была быть она. Зачем ему шишка – у него самого есть такой товар, потому и убежал с постели, даже не одевшись, в одних трусах. Долго думали и гадали джинисцы, почему Варнава бросил, не поженившись до конца, свою невесту. И так, и этак гадали, однако ничего не придумали. Только отцу Варнава сообщил истинную причину произошедшего, и то под настойчивым давлением. Илья Пантелеевич применил всю дипломатию и права отца, хозяина семейства, хотел, чтобы не было в его доме бабников, и мужчины, однажды выбрав жену, состарились бы с ней, как учат законы Христа. Но когда сын сказал: «Отец, я с ней не смогу жить, потому что, зайдя к ним домой, увидел, как она на керосинке готовит суп, сама вся в поту, а пот ручьем льется в кастрюлю. Меня чуть не вырвало, я даже не успел конфеты положить на стол, развернулся и ушел. А Маняшу привел, чтобы ты, отец, не заставлял меня идти снова в дом плотника Агафона и привести эту грязную Евдокию».

Что случилось, то случилось. Чтобы не быть уж со всем селом во вражде, Илья Пантелеевич решил сыграть младшему сыну не громкую и пышную, как Владимиру, свадьбу, а отметить женитьбу сына меньшим количеством односельчан и родственников. Поздравлять молодых пришли близкие родственники и близкие соседи, да друзья жениха и невесты. Вот на таком тихом торжестве и отметили бракосочетание Варнавы. До утра, особенно Филипп и Владимир со своими женами, да сестры со своими мужьями, танцевали до упаду под патефон, взятый на время у соседей, сын которых жил в Тбилиси.

Поженив младшего сына, Илья Пантелеевич решил отделить всех сыновей, тем более что были свободны комнаты Терентия и Емельяна. В свое время отделил он старших сыновей, но жизнь у них пошла наперекосяк, все перепутала проклятая война.

– Даст Бог, сейчас этим, младшим, будет лучше. Войны уж точно в ближайшее время не может быть, утерли нос этим немцам-фрицам и прочим врагам, – рассуждал о жизни своих детей Илья Пантелеевич. – Надо, надо их отделить, пусть учатся мудрости жизни и получению от нее удовольствий самостоятельно.

Еще был один весомый плюс этого отделения с разделом имущества. Колхоз выделял огород молодым хозяйствам, а огород здесь играл исключительную роль, практически был кормильцем. Люди деньги держали в руках потому, что продавали картошку из огорода, сыр, масло, мясо домашнего скота. Заработки в колхозе не имели большого значения, погоду и достаток в крестьянских домах не делали. Как они могли, эти заработки, делать погоду, если крестьянин, два месяца отработав на стороне в артели, приносил домой головку сыра и два килограмма масла? Отделиться надо было во что бы то ни стало, чтобы получить огород. И потому, собрав сыновей, сказал Илья Пантелеевич:

– Ребятюшки, вы все стали уже семейными. В большой семье жить, конечно, интересно, но чтобы скорее полноправной ячейкой общества стать и быстрее на ноги встать отдельным хозяйством, лучше вам отделиться. Каждый из вас сможет жить, как хочет, как мечтает, как сумеет. Филипп, ты со своей Варварой занимай пока хоромы Терентия. Ты, Владимир, поселись у Емельяна. Варнава переедет в другую комнату, через коридор, будет нашим с матерью соседом, а всем нам уже сейчас надо завезти камней, чтобы пристроить к нашему дому еще столько же комнат. А как же, чтобы всем хватало. Потому, ежели завтра вернутся ваши братья Терентий, Емельян и Василий, им негде будет жить.

Дети послушали, кивнули головой и стали выполнять приказ отца. В тот же день, вечером после работы, сыновья Илья Пантелеевича с женами таскали нехитрый скарб, что сложила в узелки Мария Варнавовна, в свои новые жилища.

Осенняя пора в Джиниси хоть и короткая, но достаточно теплая и благоприятная. При желании, за оставшееся до первых снегов время можно было заготовить камней в достаточ-

ном количестве. Надо бы сказать, в Цалкском районе в те времена, да и поныне, строили дома не из кирпича или бетонных блоков разных размеров, а ставили стены из базальтового камня. Этого камня в близлежащих горах и ущельях местами было как леса в тайге – бери, не хочу. Задача строителя заключалась в том, чтобы привезти камни на стройплощадку и придать им прямоугольную форму. Этого достигали следующим образом. Если камень был огромного размера – одному не поднять, его раскалывали на несколько частей кувалдой. Но перед ударом специальным молотком, один конец которого был острым, выдалбливали в камне углубление, чтобы три пальца человеческих входили свободно. Потом вставляли туда клин, наподобие зубила, но в два раза толще и в два раза короче, по двум сторонам этого клина пристраивали клинья потоньше, из листового железа, чтобы удержать главный клин. И как замахнешься кувалдой от души, ударишь сердито по клину, тут каменная глыба и расколется, как арбуз, на две части. Другой, тупой конец молотка имел посередине еле заметное глазу углубление, чтобы грани выступали отчетливо и прямой линией, ибо именно они, эти грани, как лезвие ножа, при ударе по бесформенному камню откалывали кусок за куском, придавая камню нужную форму, чтобы можно было его поставить на стену, на раствор. Что касается раствора, то цемента еще тогда не было, из Тбилиси привозить – дорого, а потом, зачем деньги отдавать, которых и так почти нет, если раствором служила испокон веков простая глина, размешанная с соломой. Колхоз выписывал своим членам почти даром глину и солому давал бесплатно, если дело касалось строительства домов.

Изрядно потрудилась семья Габо осенью и зимой этого года. А к лету следующего года задание главы большого семейства Ильи Пантелеевича было выполнено. Буквой «г» к основному дому были пристроены две большие комнаты с коридорами, коридоры были такие большие, что практически служили и кухней, и столовой, и прихожей. В комнату шли в основном спать, пока не было детей у сыновей и невесток. Словом, стены и крыша новых жилищ для сыновей Габо были готовы, оставались работы по отделке. Но так как жить было где, начинать отделку сыновья Ильи Пантелеевича медлили, тем более что пошли дети, которым нужны были малые, но денежные расходы. У Филиппа появился мальчик, назвали его по имени героя сказки «Алладин и волшебная лампа» – Алладином; была уже беременна Фрося – вот-вот должна была «поймать в капусте» кого-нибудь. Никаких признаков беременности не было у Маняши, хотя шел второй год ее замужества, но ждали, что все будет хорошо, ведь есть женщины, которые могут зачать и позже, даже через пять, десять лет. Однако не пять и не десять лет пришлось Илье Пантелеевичу ждать, чтобы его невестки стали матерями. Буквально за несколько лет дом Ильи Пантелеевича наполнился малышами, у каждой пары – что дочери, что сыновья – появилось по два ребенка, и все – мальчишки. И дом Ильи Пантелеевича превратился в настоящий детский сад. Я имею в виду ту часть дома, где жил Илья Пантелеевич со своей Марией Варнавовной. Молодые отцы и матери с утра приводили к свекрови детей, оставляли их на попечение стариков, а сами шли в колхоз зарабатывать деньги. Должен был зарабатывать деньги и Илья Пантелеевич. Дети хотят есть. Не скажешь: «Филипп, Варнава, денег у меня нет, дайте денег на еду для ваших же детей». Зарабатывай, если ты мужчина. Тем более что сам Илья Пантелеевич учил своих детей, когда они были еще подростками: «Настоящий мужчина должен брать с собой с утра один рубль, а вечером принести три, пять». Сам он лично так и поступал, когда надо было восемь ртов накормить. Слава Богу, кроме своего хозяйства, Илья Пантелеевич немного, но зарабатывал своим природным Божьим даром: был во всем Цалкском районе костоправом, причем хорошим. А потому в эти голодные годы люди, приходящие к нему лечиться, не только были благодарны словесно, но и приносили кто что мог. Яиц десяток, полкило масла, своего, свежесбитого, головку сыра и так далее. В доме Ильи Пантелеевича никогда не было, чтобы на столе стояла одна картошка. Были до войны такие годы, что хлеба джинисцы досыта не едали. Теперь, конечно, другие времена, куда сравнить. Даже колхоз с каждым годом увеличивает дележ урожая, а Москва уменьшает налоги и снижает цены

на товары. Илья Пантелеевич имел знакомого в городе Марнеули, что рядом с Тбилиси расположился. В колхозах и совхозах этого района получали по два урожая в год, особенно здесь хорошо росли овощи и фрукты. Помидоры и огурцы тут выращивали у каждого крестьянского двора и в таком количестве, что многие их на корм скоту давали, а в Цалкских холодных условиях помидоры не успевали созревать. Поэтому знакомый Илья Пантелеевича посылал в Джиниси овощи и фрукты, Илья Пантелеевич продавал все это, в основном, менял на картошку и отправлял в Марнеули. Прибыль, естественно, делили пополам. Что это было, как называлась эта работа двух мужиков? Одни скажут – чистой воды спекуляция. Я скажу – нет. Советская власть тогда разрешала излишки домашнего хозяйства реализовать на колхозных рынках, и колхозники этим разрешением государства пользовались. С другой стороны, конечно, Илья Пантелеевич и его марнеульский знакомый занимались реализацией не только излишков урожая, полученного на своем огороде, но и соседи приносили и просили продать, особенно те, у кого не было в семье мужика-кормильца. Тут как бы пахло спекуляцией, но, с другой стороны, государство само было неорганизованным, не принимало у крестьян излишки продукции домашнего хозяйства и не организовывало их продажу, а потому в цалкских селах овощи-фрукты были редкостью на столах. Детвора на них смотрела как на неисполненную мечту, а в дни религиозных праздников, когда народ собирался у церкви, и рядом продавалось все на свете, иные дети подолгу стояли у ящика с помидорами, приятный запах которых приводил в транс подростка, в карманах которого было много пшика и ни одной копейки. Выбрав самый хороший помидорчик, что лежал ближе к нему в ящике, ребенок хватал его и мгновенно пускался в бег. Из-за одного помидора за мальчиком кто будет бегать? Зато какой праздник был, когда он, укрывшись от всех где-нибудь за забором, начинал неспешно, маленькими порциями откусывать вкусно пахнущий плод. Другой так же поступал с ящиком сладких груш или слив – черных, крупных, спелых, во рту тают. А когда смотришь на только что распечатанный ящик слив, сверху прикрытый газетой «Заря Востока», то слюнки текут рекой. Захочешь полакомиться,хватишь побольше, целую горсть слив и включаешь десятую скорость. Никто за тобой бегать не будет, чтобы поймать. В худшем случае, гнилой помидорчик, огурчик или слива вслед тебе полетит и неизвестно, догонит и попадет на тебя или нет. Что и говорить, пятидесятые и шестидесятые годы были тяжелыми и трудными, в смысле нормальной человеческой жизни, еще конкретнее – в смысле досыта поесть. Илья Пантелеевич, имея в собственном доме мешки и ящики овощей и фруктов, никогда не разрешал своим внукам полакомиться ими. Непослушному малышу, подхитившему случайно к открытому ящику или мешку, ремнем по пальцам слегка проходил, приговаривая: «Не подходи туда, куда не зовут». Пожилой человек без пенсии (тогда колхозникам еще не давали пенсии), без постоянного заработка, но имеющий на своем попечении много внуков, которых надо кормить, он трепетно относился к овощам и фруктам, продажа которых приносила пользу его семье. Даже в собственном хозяйстве он уже не мог иметь достаточно живности, чтобы получать доход, позволяющий прокормить семью и хотя бы раз в день угостить внуков. А потому строг был Илья Пантелеевич в порядках и правилах в отношении овощей и фруктов, дающих ему какой-никакой заработок. А что давали за так называемые лечебные дела – можно было считать ничтожным. В основном, никто ничего не давал, не было у них ничего. Самих дед угощал обязательно чаем, а если кто и приносил десяток яиц, то это так редко бывало, что и не помнилось, когда было. Малышню мог дед угостить фруктами только после переборки, вычистив испортившуюся часть плода. Внуков год от года становилось количеством больше и возрастом старше, а дом бабушки был самым шумным и желанным местом. Парни начали шалить, искать, где спрятан сахар или еще что-нибудь вкусное, и потихонечку таскать, не рассказывая об этом родным или двоюродным братьям. Заметив эти фокусы, дед стал прятать от старшей детворы все вкусное и сладкое. Например, сахар он прятал на чердаке крыши, мешочек из белого сатина висел в самом недоступном месте. А мешки и ящики с овощами и фруктами уже не дома, в коридоре или в углу комнаты

стояли, а в специально оборудованном месте, рядом с хлебом, где было и тепло, и замок можно было повесить на дверь. Подрастая, дети, естественно, становились умнее, хитрее и смысленнее. Кому было шесть-восемь лет, те понимали, что самая настоящая вкуснятина не у бабушки и дедушки, там только сахар, а у самых маленьких, кому еще и года нет. Вот они и следили, под видом игры на улице, куда кладет молодая мамаша печенье, конфету, и как только отлучалась на секунду ничего не ведающая мамочка, взрослые дети тут как тут – реквизировали весь детский паек. Конечно, бывали случаи, когда не успевали парнишки-воришки убежать с места преступления и попадались с поличным. Тогда беседу серьезную проводил дед, делал и физическое внушение, барабаня по головке костяшками пальцев. Но эти воспитательные меры действительного результата не оказывали. Через день-другой наказание забывалось и все начиналось вновь. Уже всем взрослым мальчикам было известно, где хранятся обычно печенье и конфеты. И при желании можно было пойти украсть, если, конечно, не попадешься.

Однажды Алладин – десятилетний, самый старший внук Ильи Пантелеевича, проследил за тетей Фросей, которая, накормив и уложив спать своего полгода назад родившегося второго ребенка, вышла на минуту по делам. Алладинчик был тут как тут, залез в комнату через окно, расфасовал по карманам реквизируемое и неторопливо, тем же способом, как вошел, стал выходить, но в этот момент был пойман дедушкой, который следил за ним. Отобрав ворованное, дедушка наказал мелкого воришку ремнем показательным образом – при остальных детях, большинство из которых смеялись, когда попка Алладины краснела от ударов дедушкиного ремня.

Алладин и его младший брат Стефан верховодили в доме Габо, они были самыми старшими внуками. Они и помогали дедушке справиться с воспитанием всех детей, они же начинали вдруг, ни с того ни с чего, детский шум, плач, драки, разборки и так далее, и они же больше всех получали подзатыльников от Ильи Пантелеевича. Что интересно, когда дети были еще маленькими, по годичку, по два, собственных родителей не интересовали ни их плач, ни их драки, иногда доходившие нечаянно до крови. Со всеми проблемами в отношении внуков разбирались дед да бабушка Мария Варнавовна. Но с течением времени, когда дети подрастали, старшие начали уже в школу ходить и, соответственно, драк и шума стало больше, начали вмешиваться родители, если, конечно, заставляли свое ненаглядное чадо плачущим. Однажды Алладин и Стефан подрались с детьми Володи и Фроси и те заплакали. Родители, вернувшиеся с работы, застали их плачущими, а младший сын Павел, увидев издали отца с матерью, стал так плакать, будто его кто-то резал. Тут Фрося наказала племянника Стефана, дав ему два подзатыльника, а Алладин успел убежать. Фросю, наказывающую Стефана, увидела его мама, Варвара, и пошло-поехало... Если бы на шум и гам, раздававшиеся со двора Габо, не вышли Илья Пантелеевич с Марией Варнавовной, в хлеву чинившие амбар для ячменя скоту, то далеко могли бы зайти в обвинениях друг другу родители двоюродных братьев. Такие ситуации возникали все чаще и чаще, а детей становилось все больше и больше. В каждой семье в пятьдесят восьмом году было уже по несколько детей: у Филиппа – шестеро, у Володи и Варнавы – по четверо, а у дочерей Ильи Пантелеевича – по пять ребятишек. Старшие дети у всех братьев и сестер ходили в школу, младшие – все девочки (кроме Варнавиных детей, у него были только мальчики), воспитывались дома, в основном дедом и бабой. Но именно в этом пятьдесят восьмом году Илье Пантелеевичу вдруг стало так плохо с сердцем, что он слег, а через две недели отдал Богу душу. Похоронили Илью Пантелеевича по всем правилам православной религии. Читал молитвы святой отец Ананий, который числился в открытой, разрешенной властями церкви настоятелем, а в основном жил в городе Марнеули. Приезжал он только в самые главные религиозные дни, такие как Пасха, Рождество, день Святой Богородицы, день Святого Георгия и так далее, а в воскресные дни и другие, менее значимые церковные праздники, святого отца в церкви не бывало. А жил там он потому, что болел, и ему врачи прописали дожить свой век в теплых краях. Если кто-то умирал и нужно было его хоронить со свя-

щенником, привозили из Марнеули отца Анания или же приглашали священника из церквей соседних сел Авранло, Олянк. Кстати, не забыть бы сказать, что в остальное время, в воскресные и другие праздничные дни, религиозные обряды отправлял дьякон Антон Константинович Карагезов, человек начитанный и знающий несколько языков, много лет, работающий в селе заведующим сельмагом. После смерти священника Анания, дьякон Антон отлично справлялся со своими обязанностями, старался, чтобы в Божьем доме во все церковные праздники царил торжественная обстановка. Односельчане, видя это старание и беспрекословную веру Антона Константиновича канонам Православия, сначала попросили его, а затем написали всем селом большое письмо Патриарху всея Грузии Илие Первому с просьбой рукоположить дьякона Антона в священники и назначить его в Джинисский приход, в церковь Святого Георгия. Однако в грузинском городе Тбилиси, погрязшем в протекционизме и коррупционизме, за выполнение народной воли в патриархате попросили сорок тысяч рублей старыми, до деноминации шестьдесят первого года, деньгами, которых всем селом не смогли собрать. Да и сам Антон Константинович, человек беспредельно честный, верующий, не захотел второй раз поехать туда, где люди, облаченные в церковные рясы, без стеснения затребовали от него столько денег. Тем не менее, Антон Константинович до конца своих дней в должности дьякона служил в этой церкви, и люди могли прийти сюда и свечку поставить, и помолиться вместе с ним Господу Богу за грехи наши каждодневные. Нелишне напомнить, что и дом его, и сельмаг, который в то время находился в его доме, имели в селе культурно-просветительное и общественное значение. Даже у колхозной конторы столько людей не собиралось и не обсуждалось столько местных, районных, республиканских, всесоюзных и мировых проблем. Между прочим, здесь часто встречались односельчане, долго не видевшие друг друга. И тогда, поговорив немного о делах своих и общественных, встретившиеся обращались к Антону Константиновичу: «Дядя Антон, можно у вас посидеть, с другом поговорить». – «Конечно, можно» – следовал ответ. И они брали бутылку водки или вина, садились за стол и давай разговаривать и пировать. Здесь часто собирались пропустить по стаканчику, по два, учителя сельской школы и руководство колхоза. Жена Антона Константиновича Софья Кириаковна, сердобольная, хлебосольная женщина, тут же ставила на стол что есть в доме, чтобы ребята, выпивая, закусывали и не пьянели. Кстати, за это денег в доме Антона Константиновича не брали. Хозяйка дома, Софья Кириаковна не забывала на следующий день, увидев пировавших, пригласить их опохмелиться, наливала из собственных запасов. А в последнее время, когда уже в селе и закусовая была, и новый государственный сельмаг, Софья Кириаковна часто выходила на балкон и смотрела на дорогу, которая шла к конторе колхоза мимо ее дома. Увидев знакомых (а знакомыми было все село), любила обращаться: «Роман, Роман, Павлик, Гавриил, хорошая водка есть у меня, иди, попробуй стаканчик».

Далее продолжая тему религиозную, следует вспомнить, что считался самым авторитетным священником в Цалкском районе, конечно, святой отец Ананий, настоятель Джинисской церкви Святого Георгия. Говорили, что он был учителем словесности в начале века и искренне верил в Бога. Став священником, пострадал за веру с приходом советской власти, сидел пять лет, но не отрекся от Бога, а потому его молитвы имели особый тон, смысл и пользу. Вот поэтому, узнав о смерти друга, марнеульский знакомый Ильи Пантелеевича сам приехал и привез батюшку. Проводили в последний путь Илью Пантелеевича, отметили ему сорок дней и... начала давать трещину дружба между членами большой семьи Ильи Пантелеевича. Во-первых, уже не стали приводить маленьких детей к Марии Варнавовне невестки, а мужья молчали и поддерживали жен. «И правильно, женщина стара, сама еле ходит, трудно ей стеречь их» – говорили они. Во-вторых, сыновья по отдельности стали подходить к матери и предлагать поделить свободные комнаты, предназначенные Терентию, Емельяну и Василию, на тех, кто живет в селе фактически, в настоящее время. На вопрос матери, а как быть, если вдруг явятся братья ваши и не одни, а с семьями, отвечали: «Приедут – отдадим, без жилья не оставим».

И, в-третьих, братья сами разговаривали между собой через силу, в основном и не общались, старались друг другу на глаза не попадаться. После смерти отца и Филипп, и Владимир, и Варнава построили по забору от своей половины дома до дороги, огородив свою территорию так, чтобы не ходить с братьями и их семьями по одной тропинке. Начались мелкие ссоры, когда через заборы перелетали куры, падал на чужую территорию с наспех уложенного без раствора забора камень, а в дождливую погоду, когда дождь лил ведром, вода, имея особенность идти там, где ей легко, собиралась, естественно, в тех местах, где ей дорогу перекрыли. Просто нужно было минут десять—двадцать, чтобы по территории каждого двора провести небольшую канавку, и тогда вода шла бы стороной и не заливала двор, по которому невозможно стало ходить. Раньше эти работы делались постоянно, когда гром начинал греметь перед началом дождя. А теперь, когда поставили заборы, не продумав, как в сильный ливень беспрепятственно будет стекать вода со двора, входить в дома Владимира и Филиппа невозможно было: собиралась вода почти у двери на половинке каждого брата, особенно во дворе, а иной раз вода даже попадала внутрь помещений. И тут начинались взаимные упреки, претензии и недовольства. Эти недовольства, сначала появлявшиеся по мелким поводам, скоро перерастали в более серьезные обвинения. Со стороны, услышав претензии, высказанные друг другу братьями и их женами, можно было сделать вывод, что они, один перед другим, виноваты в неудавшейся, тесной, насытной жизни. Раньше, даже год назад, когда в селе при разделе имущества близкие родственники устраивали скандал из-за того, что кому—то больше мисок или ложек досталось, сыновья Ильи Пантелеевича удивлялись, даже говорили: «Чего делить, все равно ничего нет в доме, какая разница, ложкой больше, ложкой меньше». Теперь очередь пришла за ними, за детьми Ильи Пантелеевича: никак не могли поделить между собой взрослые мужики, близкие родственники, три комнаты с коридорами. Дело в том, что тогда, наконец, сыновья уговорили мать, Марию Варнавовну, поделить комнаты, принадлежавшие с войны не вернувшимся братьям, ибо, как убеждали они, стало тесно. Мол, у каждого по несколько детей разнополых, растут не по дням, а по часам, надо бы мальчикам иметь отдельную комнату, девочкам отдельную, сейчас не первобытные времена, когда все члены семьи под одним одеялом спали. Более того, приводили доводы братья, эти комнаты есть, пустуют, всего-то надо поделить их между собой и все. Когда Мария Варнавовна, под давлением убедительных доводов сыновей, наконец, дала согласие на раздел этих комнат, оказалось, что разделить три комнаты с коридорами между тремя людьми не так-то просто. Это в арифметике три разделить на три – получится единица, значит каждому по комнате с коридором, а в жизни получился совсем другой компот. Причина была в том, что солдатские доли, как называли эти комнаты в семье Габо, имели разную площадь и находились в разных местах Г-образного дома покойного Ильи Пантелеевича. Всем хотелось иметь дополнительную комнату рядом со своей, так ведь удобно. И потом, была еще одна загвоздка в этом дележе – половинка, где жила Мария Варнавовна. Филипп предлагал, так как у него больше всех детей – их было у него шесть, материнскую половинку отдать ему: «Пусть, если хочет, и мама с нами живет». Варнава был с этим не согласен, предлагал свой вариант, так как в настоящее время мама живет с его семьей и пожелала жить с ним она сама, то долю матери следует отдать ему. Тогда все братья восклицали. «Ага, зрт прокурор, в этом случае тебе три комнаты достаются!» Особенно Филипп был не согласен с мнением меньшего брата:

– У меня шестеро детей, а у тебя четверо, и ты хочешь сразу три комнаты?

– У меня все дети мальчишки, завтра подрастут, поженятся, всем где-то жить надо. А у вас девочки большинство, отдадите замуж да еще несколько пар постельного белья в приданое предложите, и все заботы об устройстве их жизни закончились, – отвечал на это Варнава.

– Родителям все равно – мальчик или девочка, всех надо обеспечивать по возможности жильем. Если попадутся девочкам женихи с жильем, это прекрасно, может, тогда легче станет нам, родителям, у кого девочки. А если попадется представитель чистого пролетариата,

не будет иметь за душой ничего, кроме самой души, надо все равно строить или дать какое-нибудь жилье. А потому предлагаю самый простой и естественный вариант: бросить жребий, кому что попадется, – заметил меньшому брату Владимир.

– А если мне попадется маленькая комната и в самом дальнем углу? – сказал Филипп.

– Нет, никогда я не соглашусь на жребий, – отрезал самый старший из присутствующих братьев, Филипп. Более того, Филипп настаивал, чтобы долю матери отдали именно ему...

Мать, видя, что сыновья ее, еще недавно послушные, тихие при родителях, заботливые друг о друге, незнаваемо переменялись, даже страшно становится слышать, как они не хотят уступать друг другу, высказала мысль пожить одной до самой смерти в своей комнате.

– И не надо вам раньше времени голову ломать, кому мою долю отдавать, – заметила она. На это сыновья деликатно дали понять, что эта комната, рано или поздно, станет свободной, потому и ее надо поделить, а жить может мама и в поделенной комнате.

Теперь давайте более подробно сообщим читателю, что собой представлял дом покойного Ильи Пантелеевича, и почему братья никак не могли разрешить сами, вместе с женами, этот архивопрос. Как было сказано выше, первоначально покойный Илья Пантелеевич построил дом прямоугольного типа размером пять на девять метров и разделил это помещение на две комнаты с коридором посередине. Еще имелась открытая веранда. На расстоянии двух метров от основного фасада по длине были установлены деревянные колонны, в количестве десяти штук, и на эти колонны спереди опиралась крыша дома. Снаружи получилось очень красивое единое здание, тем более что дом был и отштукатурен со всех сторон. Владимир был и плотником, и столяром, и штукатуром, словом, на все руки мастером, поэтому дом снаружи выглядел как игрушка. И крышу он покрыл красной черепицей, чтобы изящным дом стал.

В колхозе села Джиниси имелся небольшой глиняный карьер. Здесь добывали глину, готовили глиняный раствор, заливали по черепичным формам из доски. Через некоторое время вытаскивали и сушили в специальных сараях. А потом обжигали в специальных ямах, куда сначала укладывали аккуратно дрова, затем на дрова сверху выкладывали высушенную сырую черепицу так, чтобы между рядами был зазор, а после уже разжигали. Двое суток так обжигали изделия, а потом снимали – товар к употреблению был готов. Таким дедовским способом делалось, конечно, очень мало, но черепицы хватало почти всем – и для нужд колхоза, и для нужд села. Долго, длительное время этим способом получали черепицу в округе, почти в каждом колхозе. Во всех селах Цалкского района крыши крыли черепицей. Шифер появился в этих краях в начале шестидесятых годов.

Когда пришло время поженить сыновей – Терентия и Емельяна, Илья Пантелеевич построил для них такой же дом, как у себя, чуть больше даже. На одиннадцать метров удлинил свой дом к югу, куда позволял огород, в результате каждому женатому сыну были обеспечены комната размером пять метров на четыре и коридор шириной в полтора метра. И эта часть дома была покрыта черепицей. Только Филиппу и Володе Илья Пантелеевич, как известно, пристроил к восточной стороне дома комнаты так, что получилась буква «Г», покрыл крышу шифером, только-только входившим в моду строительным материалом. Эта пристройка и комнаты в ней площадью получились меньше. Не позволяли размер и рельеф участка, как в пословице, «всем сестрам по серьгам» выделить. Чтобы пристройку эту сделать длиной в одиннадцать метров, а земли было только на десять, поговорил Илья Пантелеевич с соседом Семеном Манеловым, предложил поменяться этим метром или же выкупить, на худой конец. Тот наотрез отказал и добавил: «Умру с голоду, но лично вам не продам». Станным был Семен Алексеевич человеком: ни с кем из соседей не разговаривал, не здоровался. Если на его огород случайно перелетала соседская курица, он на все село внятно, со смаком проклинал и курицу, и хозяев, главное, применял в своем ругательстве во всеулышание самые непечатные или малопечатные слова, хоть уши затыкай. Однажды учитель физики Семен Иванович Ильичев, проходя мимо его дома и услышав манеловскую базарную ругань, сделал замечание, мол, как не стыдно,

взрослый человек, дедушка двух прекрасных внуков, дети – и ваши, и чужие – ходят по селу, слушают твой поганый язык, нам же, учителям, потом приходится исправлять прививаемые твоим, вроде бы безобидным, нецензурным ораньем пробелы в воспитании подрастающего поколения. Тот, не дав учителю закончить мысль, взялся за него. До драки не дошло, потому что Семена Алексеевича и Семена Ивановича разделял каменный забор, настоящий, на глиняном растворе. Более того, Семен Алексеевич ругал сельского учителя, не глядя на него, а занимаясь своим делом – приводил огород в порядок перед весенней посадкой картошки. Учитель послушал секунду-другую и говорит:

– Семен Алексеевич, имей совесть и уважай человеческое достоинство. Подойди поближе к забору и поговорим. Что ты, как ребенок, ходишь по огороду и выражаешься.

– Чего, чего? – не дослушав до конца, начал Семен Алексеевич. – Не о чем мне с тобой говорить, иди своей дорогой, учитель. Какой ты учитель! Знаем, как ты в Тбилиси учился: отец твой каждую неделю ездил в город. Знаешь, зачем? Чтобы магарыч – сыра головку и картошки мешок отвезти преподавателям, они ведь тоже с голоду помирали и до сих пор мрут. Ты думаешь, у тебя знания есть? Ничего у тебя нет: и знаний нет, и говорить по-русски ты не умеешь, как самый последний грузин говоришь по-русски, а ведь русский человек. Учитель! Два слова связать еле-еле можешь, себя учителем называешь, поставлю вот там, рядом с тобой чучело, на голову надену шляпу, и будет таким же учителем, как ты. И говорить научу его, как ты умеешь...

Семен Иванович послушал немножко Семена Алексеевича, видит, что зря начал разговор с этим человеком. Он и раньше его знал, но таким, каким сейчас стал, никогда тот не был. Раньше, если кто-нибудь что-то говорил, или кто проходил дорогой мимо дома, Семен Алексеевич ругался, не останавливался, но звук уменьшал, не все слова можно было разобрать, а значит и смысл сказанного. Теперь человек немного постарел и стал невыносимым со всех сторон. Не зря его отношения с единственным сыном натянутые, почти не разговаривают и не здороваются, хотя и живут в одном доме. Словом, вот такому человеку Илья Пантелеевич заикнулся поменяться несколькими квадратными метрами земли или выкупить, чтобы сыновьям построить однотипные, одного размера жилища. Только с ним, с соседом Семеном Алексеевичем, мог решить свой вопрос Илья Пантелеевич. Потому что граница огородов обоих односельчан проходила буквой «Г» с юга к востоку, и, чтобы пристройку поставить такого же размера, как на южной стороне, не хватало буквально одного метра земли по ширине, а по длине можно было больше пяти метров и не давать. А землю взять в обмен на переданную площадь Семен Манелов мог с южного конца огорода Ильи Пантелеевича, где было еще несколько метров свободной земли. Между прочим, сын Семена Алексеевича Николай заикнулся в пользу соседа, мол, можно провести этот простой обмен. Семен Алексеевич сразу остановил свое чадо.

– Когда дом построишь на своем участке близ Сефиловского оврага, дашь всем жителям села сколько душе угодно метров. Я свой огород, пока живой, делить на части не буду, – сказал Семен Алексеевич. – Габо не лучше Ивана Блудова, завтра он построить дом тоже попросит. Послезавтра Христианов Георгий Ильич попросит – тоже давать? Так весь огород за два года можно соседям раздать, а самому в небо смотреть и мух ловить, ибо, кроме огорода, у нас пока других кормильцев нет.

Николай грозно посмотрел в глаза отцу, покачал головой, развернулся и ушел. Теперь, по прошествии лет, не поддавшаяся решению незначительная проблема обернулась большим семейным скандалом. Может быть, она стала только поводом, а причина – истинная, настоящая – была в другом? Как бы то ни было, братья и их жены, оказавшись без веского, твердого мнения главы семейства Ильи Пантелеевича, стали неуправляемы бедной Марией Варнавовной. Улетучилась простая человеческая толерантность в отношениях, все выказывали друг другу озлобленность и целый ушат гадостей. Не придя к единому мнению в дележе так называемых солдатских комнат, мать предложила пригласить депутатов сельского Совета.

На четыре села был тогда один сельсовет, канцелярия которого располагалась в селе Кущи. Мария Варнавовна, зная, что депутатом сельсовета недавно был избран из Джиниси ее племянник Роман Онуфриевич Христианов, только что устроившийся в колхоз главным агрономом, хотела пригласить его, чтобы при нем вопрос о дележе был решен и не стал завтра главной и интересной новостью села. Поразмыслив над предложением матери, братья решили исполнить ее просьбу, но пригласить не одного Христианова, но еще и учителя математики, депутата райсовета Пантелея Никифоровича Баязова. На замечание матери – зачем сор выносить из избы, Володя ответил:

– Сор из избы у нас давно вышел, мама. Не сегодня-завтра все село будет знать. Потому что у каждой вашей невестки есть родители, братья, сестры, которым доверяется информация любой секретности, а у них – свои близкие родственники, которым тоже можно все сказать, и так далее, по цепочке, завтра всему селу и будет известно...

– Вот именно, – перебил брата Филипп, – пусть все знают. Не мы одни делимся и не мы одни ругаемся. Пусть лучше при постороннем присутствии все происходит, чем придет Роман, а дела не будет.

Решили пригласить обоих – Романа Онуфриевича и Пантелея Никифоровича. Пригласили. Депутаты через некоторое время были тут как тут, в одном селе живут. Выслушав мнения сторон, они в первую очередь спросили Марию Варнавовну, согласна ли она на раздел имущества не вернувшихся с войны солдат-сыночек. Она кивнула головой в знак согласия. Потом спросили государственные люди, с кем и где хочет жить она сама. Ответила, что будет жить одна, кроме того, сказала, что отказывается от коридора, пусть это будет Варнаве, а ей хватит и одной комнаты, только пусть сынки прорубят второе окно и дверь, и все. Тогда приступили депутаты к дележу, который оказался таким простым, что даже братья, ссора которых при депутатах перешла все границы, удивились. Было предложено депутатами всем братьям выделить по равнозначной комнате с коридором, а остальные маленькие комнаты закрепить за каждым по жребью. Недостающий кому-то квадратный метр или излишне полученный оплатить по цене, которая превалялась в Цалкском районе. С этим предложением все братья согласились. Во время, когда депутаты, оставив свои и государственные дела, пришли помочь разобраться братьям и их женам, жены не просто наблюдали происходящее, а находились в настоящей словесной перепалке. Не стесняясь ни депутатов, ни своих мужей и своих детей, тоже пришедших поглазеть на происходящее, невестки покойного Ильи Пантелеевича выстреливали друг в друга словесными пулями и старались ударить побольнее. Притом громкость словесных баталий доходила до того, что их могли слышать ближайшие соседи. Депутатам, особенно Роману – на правах родственника, приходилось одергивать женщин, то и дело делать замечания, чтобы те следили за своими словами. Но было бесполезно: слова этих женщин равнялись в данный момент настоящим пулям. А кто на войне жалеет пули? Ведь задача там – побольше человечков свалить, и тут почти та же задача, и значит пути достижения те же. Вот почему, даже разделившись, согласившись на тот раздел, который произошел, семьи словесную войну не закончили, наоборот, она набирала свои обороты. Все обвиняли друг друга, высказывали такие претензии, что бедный покойный Илья Пантелеевич, наверное, перевернулся в гробу, а бедная Мария Варнавовна, накинув на себя шаль, ушла к сестре Екатерине, которая жила через улицу, и звуки брани и ругани туда не могли пройти. Вспоминали женщины даже самые мельчайшие подробности совместной жизни – кто у кого в долг взял рубль и не вернул; кто покупал сигареты, а кто курил; кто кому и где помогал, а кто не помогал; вспоминали совместные заработки в чужих краях, то бишь в Абхазии, в городах Гали, Очамчири, Гагра и так далее. Дело в том, что в Цалкском, да и в соседних районах было принято в зимнее время, когда в колхозе мало работы, а на Черноморском побережье Грузии хорошая летняя погода и начинается обработка цитрусовых садов, ехать туда на заработки. Особенно было выгодно работать там на частных, потому что они платили в два раза больше, чем государственные совхозы,

давали наличные деньги и кормили три раза в день. Почти все заработанные за месяц-полтора деньги оставались целехонькими, никуда не тратились, если не считать расходов на приобретение курева и на жилье, по три-пять рублей в сутки тогдашними деньгами, до деноминации шестьдесят первого года. Володя и Варнава ездили в эти края на заработки одни, без жен, а Филипп с семьей, кроме сыновей, два года работал во вновь организованном совхозе Кохора, близ города Гали. Совхоз располагал жилым фондом и нуждающимся выделял кому комнату, кому две. У Филиппа с семьей было две комнаты. Приезжавшие на заработки односельчане любили ночевать не там, где нужно деньги платить, а у таких односельчан, как Филипп. Ночуешь бесплатно, а перед сном еще и чаем угостят. Когда приехали на заработки Володя с Варнавой, то у Филиппа уже гостили – не родственники. Раскладушки и кровати были заняты, и Варвара постелила братьям на полу. Сами Володя и Варнава никому не рассказали об этом случае, случай-то пустяковый, понимая, что невестка Варвара не захотела обидеть гостей-односельчан и потому не предложила им перейти спать на пол, а своим деверьям постелила на полу. Однако тот, кто спал на кровати, а звали его Георгий, рассказал об этом случае своей жене, а та – женам Володи и Варнавы. И рассказал не с лучшей стороны. Женщина сделала ему доброе дело: родственники на полу спали, а он на кровати. Перевернув смысл поступка с ног на голову, Георгий сказал, что прием братьям Филиппа был оказан отвратительный, дескать, спали на полу, еды не предлагала невестка деверьям, простым чаем и то не угощала. А что касается стирки грязной одежды, то Варвара брезгала даже в руки брать одежду родственников, не то, что стирать. И теперь жены Володи и Варнавы высказывали Варваре, мол, ты такая-сякая, с тех давних пор, когда наши мужья оставались у вас в Кохоре, недолюбливала их, не давала еды, заставляла на полу спать, а чужих мужиков на кровать пускала. Если кто в оправдание что-нибудь говорил, его не слушали; было такое впечатление, что братья с женами собрались поскандалить, обозвать друг друга нехорошими словами и наорать.

– Если бы не я, – говорила Фрося Варваре, – то твои сыновья голодными и грязными ходили бы. Ты думаешь, кто за ними ухаживал, Мария Варнавовна? Нет, милая моя, я, я, – и показывала пальцем на себя, – вот эта женщина собственной персоной и кормила, и обстирывала твоих детей.

– Эй ты, чучело, – отвечала Маняша Фросе, – кроме русского алфавита и арифметики, ты ничего не знаешь, и знать не можешь. Твою стряпню только скоту давать. Грязнуля, ты посмотри, как ты белье стираешь, от земли не отличишь твои выстиранные белые простыни. И дети твои ходят как невымытые и нечищенные. И в гости к тебе ходят не настоящие джинисцы, а только самые бедные авранлойцы. Ишь ты, дура набитая, чего захотела! Себе большую комнату, а нам маленькую.

Не отставала от родственниц Варвара:

– Да вы сами суки, и мужья ваши суки, и все ваши поганые слова и ваш язык поганый мне до этого места, – и показывала задницу.

Вот таким образом скандалили жены братьев Габо при депутатах, а мужья, в это время занимаясь дележом отцовского имущества, не останавливали своих жен, а, наоборот, поправляли некоторые мягкие выражения на более крепкие и добавляли свои, самые едкие, особенно больно ранившие. Закончив раздел имущества, дети Ильи Пантелеевича и Марии Варнавовны прекратили всякие отношения между собой, стали в один миг чужими и даже не здоровались и не разговаривали между собой. С этого момента каждая семья детей Габо шла своим путем, добивалась выполнения своих планов и целей самостоятельно, стараясь скрытно и соревноваться между собой, мол, вот видишь, братан, без тебя, твоего плеча и твоих бесплатных советов я могу обходиться и неплохо жить. Печально было и то, что в эту холодную войну между близкими людьми были вовлечены и дети. Если родители видели детей, особенно маленьких, разговаривающих или играющих между собой в какие-то игры, то сразу делали замечание своему ребенку и внушение не водиться больше с двоюродными братьями или сестрами. А дети

тоже были по-своему разными. Одни строго жили по родительским наказам и смотрели косо, даже с каким-то пренебрежением, в сторону дядиноного двора и на двоюродных братьев и сестер, играющих там. Другие, самые маленькие, кому было по четыре-пять годиков, ничего не понимали, моргали глазами, когда папочка или мамочка, увидев их вместе с родственниками-одногодками, сердито смотрели на свое чадо и быстренько забирали домой, читая по дороге лекцию, почему с теми не надо больше дружить. Третьи, как и прежде, общались, но так, чтобы родители не видели. Так мудро поступали дети, которым было от девяти лет и больше. Особенно те внуки и внучки Ильи Габо, которые учились в школе в одном классе. Бывало, большие дети ходили, как и раньше, друг к другу в гости, когда дома родителей не бывало, но если попадались в глаза родителям... То, упаси Боже, восьми – десятилетние получали по подзатыльнику, а старшие – лекции и нотации о том, к чему может привести неисполнение родительской воли. К большой семейной драме – получалось по их словам. А потому, взрослые дети в основном общались на стороне, в общественных местах – в клубе, кино, библиотеке и так далее. К счастью, чем старше становились дети, тем больше и теснее они общались друг с другом. Однако груз прерванной родителями настоящей детской родственной дружбы сделал свое черное дело. В некоторых нежных, ранимых детских душах он оставил такой толстый рубец, который в дальнейшем, во взрослой жизни привел к равнодушию в делах и судьбах самых близких родственников.

Еще много раз братья приглашали депутатов сельсовета и райсовета, чтобы те решали проблемы, появлявшиеся в отношениях между ними. Живя по соседству в селе, невозможно было создать такие условия, чтобы пути-дороги их жизни и деятельности не пересекались. Как бы ты ни сторонился, как бы ты ни отворачивался при виде соседа-брата, твои безмозглые куры все равно перелетят через забор на его сторону. Твоя дура—коровушка, возвращаясь по вечерам с пастбища, может запросто нанести визит вежливости в соседний двор. И сделает это именно в те дни, когда во дворе соседа-брата только что выгрузили целый воз ароматного сухого сена и еще не успели его заскирдовать и обложить со всех сторон досками, сетками от старых кроватей, старой одеждой, чтобы закрыть доступ к нему, если какая-нибудь животица, услышав ароматный запах продукции с альпийских лугов, захочет перелезть через забор. Заборы на горных склонах разные бывали, в некоторых местах запросто могли перепрыгнуть на ту сторону беспокойные особы. А свиньи? Вообще, свинья – без малейшей извилины скотина, может в поисках вкусной еды в любой двор и хлев зайти и проверить, есть ли что-нибудь съестное в каком углу. А если эта свиношка-дурнушка-глупышка, по недосмотру хозяев своих или соседей, забывших закрыть калитку на засов, окажется во дворе и полезет в огород, то считай – пол-огорода нет. Это в лучшем случае, если кто-нибудь увидит эту дуру-скотину и выгонит из огорода вовремя, пока она не успела сделать свое черное дело. Тем более такая свинья, которую не откармливают для мяса, а держат как свиноматку. Ее и кормят-то раз в день, пока она не будет на последнем месяце своего интересного положения. Такая скотина могла за считанные минуты весь огород перепахать с картошкой, капустой и прочей морковкой в придачу. Так и было. Однажды Володина свиноматка по кличке Динго прибежала из стада раньше времени и, хрюкая и визжа на все село, через открытую калитку в заборе Филиппа зашла в его двор. Производя шум самым громким образом, обследовала она небольшой двор. Картошка с огорода была убрана, и, с трудом найдя две-три картофелины, перепахав почти пол-огорода, Динго взяла курс в сторону дома, чтобы провести исследования вблизи двери. Это было ее любимым занятием. Оказавшись около двери дома, Динго остановилась и стала более внимательно нюхать воздух, идущий из пространства между дверью и косяком. Действительно, оттуда шел убивающий наповал наиприятнейший запах кукурузной муки. Ткнувшись мордой, Динго догадалась, что дверь не заперта. Это было очень хорошо, но есть ли там люди – Динго не знала. А потому она, хрюкая уже тихонько, толкнула дверь и вошла в дом, по запаху быстро нашла эту кукурузную муку и начала трапезу, радуясь, видимо, что ушла из стада пораньше.

Не сделай она этого, никто бы не догадался угостить ее таким вкусным ужином. Когда пришли хозяева, Динго была уже сыта, но еще чмокала губами. Мешок из-под муки был разорван на части, а мука толстым слоем лежала на полу. Получив сильный пинок от ошеломленного хозяина, свинья в открывшуюся дверь выбежала без раздумий Филипп, любивший маисовые лепешки, а теперь оставшийся без них, вышел вслед за свиньей, которая, не найдя выхода – калитка была уже закрыта, бегала по периметру забора, хрюкая теперь, наверное, по другому поводу – почему выхода нет. Посмотрев секунду-другую на бегущую скотину, Филипп вошел в хлев, взял в углу за дверью вилы, вышел и, подойдя поближе к совершающей круг почета животине, что есть силы бросил вилы так, чтобы распороть свинье живот. Однако инструмент попал на спину животному ручкой, от этого свинья не пострадала, но, чувствуя, что ее здесь не уважают, стала бегать, хрюкать и визжать так, словно ее только что несколько человек свалили на бок и собираются заколоть. Филипп Ильич, воровато прицеливаясь, попытался еще раз кинуть вилы-стрелу на свинью, и эту картину увидел только что подошедший к своему двору брат Филиппа, Владимир.

– Ты что, болван, со скотиной делаешь! Ты что, хочешь заколоть ее? Да ты знаешь, что я с тобой сделаю! Она тебя самого и всей твоей семьи стоит, – не останавливался Владимир, не зная, что его свинья только что весь месячный паек кукурузной муки у брата оприходовала, а больше половины просто-напросто испортила, эту муку теперь и есть нельзя. С земляного пола собранная, она только на корм скоту и пойдет. Владимиру показалось, что свинья во двор Филиппа забралась – и больше ничего. Филипп же, услышав от брата такое, находясь в высшем нервном напряжении и от того, что сделала свинья, и от того, что никак не мог попасть вилами в эту безмозглую скотину, взял да с вилами кинулся на брата, перепрыгивая через забор. Однако перепрыгнуть забор ему не удалось: он зацепился ногой за какой-то камень и упал ничком на забор, выронив из рук вилы. В это время Владимир подбежал к забору, поднял с земли вилы и подошел еще ближе к Филиппу, который ударился коленом о камень и сейчас, оставаясь в лежачем положении от боли, массировал больное место.

– Ну что, гаденыш, запороть твое брюхо? На кого ты кидался? Кого ты убить хотел? Меня? Да я из тебя котлеты сделаю, фарш для свиньи, которую ты хотел заколоть, приготовлю из тебя, – приговаривал Владимир, стоя над ним, а потом двумя руками стал слегка сдавливать брата за лопатки. – Ну, приготовить? Зарезать твои поганые руки, чтобы вилы больше не мог брать?

А тот, еще массируя ушибленное колено – видать, очень больно ударился, почти плача, на глаза навернулись слезы, ответил:

– Сука, ты бы посмотрел, что натворила твоя скотина. В дом, в коридор зашла, всю муку сожрала...

– А зачем двери открытыми оставляешь, не в городе на десятом этаже живешь, закрывай двери и не будет скотина ходить по твоим спальням, – перебил Филиппа Владимир, оставил вилы рядом с лежащим на заборе братом, повернулся и направился в свой дом.

Однако не закончились на этом разборки двух братьев. Когда Филиппу стало легче и он встал, то в первую очередь нашел Пантелея Никифоровича, депутата райсовета. Рассказал ему обо всем случившемся и потребовал от депутата вмешательства для возмещения Владимиром убытков в размере мешка первосортной кукурузной муки белого цвета крупного помола, которая хорошо шла на лепешки. Второсортная кукурузная мука цвет имела желтоватый, а если и помол был мелкий, то из нее вкусные лепешки не получались. Пантелею Никифоровичу, народному избраннику, пришлось выполнить эту миссию. Не зря говорят, что депутат слуга народа, что скажет народ – то и должен выполнить депутат. Однако Владимир вначале отказался выплатить старшему брату мешок маисовой первосортной муки, к тому же не любой, а именно крупного помола. Самые настоящие грузины-гурманы и то не всегда на столе имеют маисовые лепешки из муки крупного помола. Но потом, под давлением Пантелея Никифоро-

вича, убедившего его в том, что Филипп может обратиться в суд и суд выиграет, а это дополнительные расходы и дополнительные заботы, Владимир согласился на возмещение при условии, что Филипп вернет остаток муки, собранной с пола после визита хрюшки. «Покормлю скот, зачем ему оставлять» – решил он. Требование Владимира депутат счел справедливым, и, после разговора с Филиппом, решено было остаток муки вернуть, а взамен получить целый мешок.

Еще несколько раз братья по-крупному ругались между собой, настолько крупно, что разрешали возникшие проблемы только депутаты. Как-то Владимир захотел перегородку, сделанную в свое время из необожженного глиняного кирпича между половинками дома своей и Филиппа, переделать и сделать основательную, из камня. Старая перегородка давно уже начала сыпаться и разваливаться, каждый день куски со стены падали, и требовался ежедневный уход. Чтобы поставить стену из базальтового камня, надо было иметь полоску земли шириной хотя бы в тридцать сантиметров, а стена из необожженного кирпича была хилая, узкая, сантиметров двенадцать. Владимир не спросил согласия старшего брата, полагая, что тому должно понравиться желание младшего брата за свои деньги, собственными руками построить нормальную, прочную перегородку на века. Когда он стал разбирать общую стену, Филиппа дома не было, в летний погожий день какой крестьянин дома сидит. А дети Филиппа Ильича, видя, что идут работы, ничего не сказали, думая, наверное, что действия дяди согласованы с их отцом. К вечеру, к приходу домой второго хозяина перегородки, Владимир Ильич не только разобрал старую, но еще успел поднять почти половину новой стены. Ему в этом помогли сыновья Николай и Павел: делали раствор, приносили камни и так далее. Войдя в дом и увидев представшую перед глазами картину под названием «Стройка перегородки в крестьянском доме», Филипп Ильич, ничего никому не сказав, тут же быстренько выбежал из дому и вернулся через некоторое время с депутатами райсовета Пантелеем Баязовым и депутатом сельского совета, колхозной дояркой Блудовой Анной Акимовной.

– Посмотрите, уважаемые депутаты, что делает этот человек с моим домом. Строит себе стену, а ставит ее на моей земле, мой дом превратил в стройплощадку. Никакой управы над ним нет, что хочет, то и делает. То весь его домашний скот у меня во дворе гуляет и пасется, то его куры на моем дворе ищут себе корм, теперь и сам решил за счет меня себе хоромы построить. Прошу вас, уважаемые представители власти, помогите мне, уберегите от этого ненормального. Не хочу я с ним связываться, заставьте его убрать свою стену из моего коридора и поставить ту перегородку, которая была раньше, она была очень по душе мне, я и кирпичи в карьере делал самолично, и ставил ее самолично.

Депутат Баязов Пантелей Никифорович засмеялся. Анна Акимовна была женщиной очень серьезной и смеяться во время разборок в чужом доме себе не позволяла. «Не так поймут» – думала она.

– Филипп Ильич, ты же понимаешь, старую стену уже никак не поставишь, – произнес Пантелей Никифорович. – А зачем, Владимир Ильич, убрал ты ту перегородку? – кивнув в сторону Владимира, спросил депутат.

– Говорит, рушилась стена, – не дожидаясь ответа, сказал Филипп.

– А что, не рушилась? – вопросительно заметил Володя.

– На твоей стороне, может, и рушилась, на моей нет, – со злостью произнес Филипп Ильич. – Тебя не устраивала стена – построил бы на своей стороне, какую хотел, шириной хоть во весь коридор твой.

– Так я и сейчас строю за свой счет, от тебя же не попросил ничего и никаких условий не поставил. Вижу – надо менять и меняю, – произнес Владимир Ильич, глядя на депутата райсовета.

– А на чьей земле строишь? На моей, – перебил брата Филипп.

– А где тут твоя земля? Посмотри, пусть депутаты твои измерят – какую с моей стороны взял полоску земли, такую же с твоей. Вместо простого «спасибо», что я тебе за свои деньги стену ставлю, ты мне депутатов приводишь, да в воровстве обвиняешь...

– Не надо мне никакой стены, понял, – перебил снова Владимира Филипп. – Верни мне старую стену. Как хочешь – верни и на старое место поставь, пока я в суд не подал. Не нужна мне капитальная стена, зачем она мне, – глядя на депутатов, продолжал Филипп. – Та кирпичная тоже была капитальная, отштукатуренная, побеленная, служила столько и столько еще прослужила бы. Выдумал себе, занятие нашел, без спроса, без согласования, – продолжал Филипп...

– Но, Филипп Ильич, – вмешался Пантелей Никифорович, перебив его, – как дальше-то быть? Забудь про старую стену, и кирпичей твоих красивых и прочных нет, и стена уже почти стоит, еще пять рядов – и, пожалуйста, крепкая, настоящая стена...

– А я не хочу хорошую стену, я хочу свою, старую.

– Этой стены уже нет, забудь про это, – сказал уже в который раз депутат.

– Филипп Ильич, – вмешалась до сих пор слушавшая спор двух братьев депутат сельского Совета Анна Акимовна, – Володя вам и отштукатурит с вашей стороны, и побелит, если надо. Не сваливать же новую стену, в самом деле.

– А я что, пригласил вас, чтобы его поддерживали? Я же вас пригласил, чтобы вы меня поддерживали, – недовольно, не глядя ни на кого, обиженно произнес старший сын Ильи Габо.

Пантелей Никифорович посмеялся, стараясь все перевести в шутку и мирно закончить пустяковое дело:

– Закончишь здесь, Володя, и мне поставь такую стену. Хочу хлев разделить на две части, он у меня огромный получился. Хочу вторую часть под кладовку пустить, а то негде мешки с мукой держать, комбикорм для скота и все прочее. А тебе, Филипп Ильич, я скажу как друг: брось дурью маяться. Если не хочешь помочь, то не мешай. Тут человек все по закону сделал, напрасно ты нас от своих дел оторвал. Если подашь в суд, сам приду и расскажу судье, что Филипп Ильич из ума выжил и хорошее от плохого не может отличить. Давай бывай, Владимир Ильич, доканчивай. Молодец, стену поставил ровную, как настоящий мастер-каменщик шестого разряда. Пошли, Анна Акимовна, видишь, люди работают, а мы отрываем их от дел. Даже дети его, как пчелки, трудятся, а ты вместо того, чтобы гордиться таким братом, скандалы устраиваешь. Не прав ты, мой друг Филипп, не прав, – сказал депутат и вышел. За ним вышла и Анна Акимовна.

На этом закончились очередные разборки. Но не всегда так мирно заканчивались скандалы между братьями. Некоторые заканчивались и судом настоящим, районным народным судом. Например, когда дележ жилых помещений был произведен, братья друг другу оказались должными по несколько сот рублей, в зависимости от того, кому на сколько квадратных метров досталось больше. Варнава оказался должен триста рублей брату Филиппу, но в тот день, в присутствии депутатов, не отдал, по причине отсутствия оных. Только осенью следующего года, когда Варнава продал из своего хозяйства теленка и шесть мешков картошки, он смог выплатить свой долг брату Филиппу. Деньги были переданы один на один, с глаза на глаз, без посторонних свидетелей и без получения расписки о выплате долга. В течение двух лет все вроде было нормально. Филипп не требовал с младшего брата долга, образовавшегося по расчетам при разделе жилья, а тот был спокоен стоически, ведь он долг отдал год тому назад. Однако когда в очередной раз между Варнавой и Филиппом произошел скандал, Филипп напомнил младшему брату, что пора и о выплате долга по дому подумать, сколько можно ждать, не вечно же. Справедливости ради надо сказать, что Филиппа научил поступить так его шурин, Пасенов Алексей Григорьевич, учитель истории, бывший работник суда, сельского Совета.

– Не бойся, скажи, что он не отдавал эти деньги, и я оформлю такую бумагу, напишу такое заявление, называется иск, что любой суд, даже самый-самый верхний, присудит тебе эти деньги, – настойчиво убеждал зятя Алексей Григорьевич.

– А что за это иск? – поинтересовался Филипп у шурина. – Не посадят его в тюрьму из-за этого, по сути, он же дал мне эти деньги...

– Опять двадцать пять, и не иск, а иск, – горячо доказывал Алексей Григорьевич. – Не оформил должным образом выдачу долга, значит поезд ушел, надо было ему взять у тебя хотя бы расписку, а он не взял, значит и денег не дал. Когда у вас раздел имущества проводили, там присутствовали депутаты сельсовета, райсовета, государственные люди, они и записали, кто кому сколько должен. При оплате или передаче долга, по закону, надо этот процесс оформлять, как следует. Не оформил, забыл, мимо ушей пропустил, не знал и так далее – сам виноват, заплатит в этот раз в двойном размере, в следующий раз умнее будет, сразу расписку потребует.

Когда Алексей Григорьевич агитировал Филиппа подать на брата в суд, Филипп рассуждал про себя следующим образом: «Денег его мне не надо, он их отдал, а проучить его надо, а то слишком он себя высоко ставит». Взял да подписал заготовленный шурином иск. Три раза в районе заседал суд по этому поводу. Судебное разбирательство так далеко зашло, что если бы Филипп признался, что Варнава долг отдал, то привлекли бы Филиппа к ответственности. Алексей Григорьевич как заварил эту кашу, так и расхлебал: велел зятю на суде сказать, что долг Варнава не отдал, но, как брату, Филипп ему долг прощает, а потому ничего не требует. Это устраивало все стороны, кроме Варнавы, но его голос не имел веса, ибо не было доказательств. В конце концов, суд решил так, как попросил истец.

Судебные дела закончились, но отношения братьев Филиппа и Варнавы далеко зашли. Они долго, в течение многих лет друг друга не замечали, Варнава при встрече обходил стороной брата, старался его даже случайно не видеть. Забегая вперед, скажу, помирились они только на похоронах матери, в начале семидесятых годов, когда на восемьдесят втором году жизни покинула навсегда этот бранный мир Мария Варнавовна Габо.

Глава 3

Рассказывая о скандалах и ругательствах братьев Габо, надо бы сказать читателю, что подобный образ жизни, недовольство близких людей друг другом, пренебрежительное отношение к родным во многом происходили, конечно, не от хорошей жизни и по вине тогдашней власти. Вернее было бы сказать, что вопрос, как будет жить народ – легко или тяжело, хорошо или плохо – волновал власти на словах, а на деле до мягкого места было им, особенно местным, какие проблемы у бедного крестьянина. Иначе как можно понять, что местные власти, зная, что в каждой крестьянской семье растут минимум по пять-шесть детей (которые, повзрослев, создают и столько же семей), огороды – эти несчастные двадцать пять соток – дают в десять лет раз, когда список в колхозе наберется солидный. Мало того, эти огороды давали в таких местах, в основном по периметру села, что построить там дом невозможно было, главным образом, из-за отсутствия дорог. Колхозные и сельские власти не оставляли земли для проезжей дороги, а на спине камни для строительства не притащишь. На собраниях этот вопрос народ поднимал, мол, уважаемая народная власть, в каждом джинисском доме живет по несколько взрослых семей, одной керосинкой пользоваться трем хозяйкам тяжело, дайте дорогу к огородам, чтобы могли построиться, меньше и скандалов в селе будет, и дружно будут жить люди. В ответ руководители районного масштаба, не только колхозные власти, с усмешкой отвечали:

– Это кто хочет построить дом в центре колхозного массива? Считайте, на этих полях урожая не получим, весь урожай будет продаваться на тбилисских базарах.

В те времена председателя колхоза избирали не по образованию, природной смекалке и деловым качествам, а по знакомству и взяткам. Взятки тоже нужно было отдавать умеючи и знать надежного человека, через кого можно передать взятку. Самый хитроумный способ получения взяток придумал председатель Цалкского народного суда Папашвили Нугзар Шалвович. Времена те были очень тяжелые, за одно анонимное письмо без суда и следствия можно было загреметь в места не столь отдаленные, а потому Нугзар Шалвович никогда один на один не принимал посетителя в своем кабинете. Обязательно прием проходил в присутствии секретаря суда, который вел запись беседы. Однако весь район знал, что если кому-то надо решить проблемы судопроизводства, уменьшения срока, оправдания, надо встретиться с его двоюродным братом, живущим в селе Реха. Поговорив с братом Нугзара Шалвовича, получив от него гарантийное слово об исполнении желания, тот или иной посетитель, конечно, не за красивые глаза, а за определенную сумму, мог быть уверен, что дело делается и будет сделано. А чтобы это всесильное слово получить от брата районного судьи, надо было не один раз посетить дом в селе Реха. Много раз нужно было съездить туда, просить и просить, чуть ли не на коленях. Сначала он отказывался даже поговорить о твоём деле со своим родственником, приводил доводы, что у них с судьей и отношения не такие теплые и родственные, но, по мере общения, когда ты слезно просил его стать тебе родственником и братом и помочь, всесильный брат судьи начинал уклончиво отвечать:

– Ну, раз вы так просите, попробую поговорить, может, что-нибудь и выйдет.

После этих слов любой посетитель знал, что дело его будет решаться. Однажды районные органы внутренних дел послали своего агента проверить широко ходившие в районе слухи о получении взяток председателем райсуда и снабдили этого человека заранее помеченными купюрами. После того, как сумма была передана родственнику судьи, вошли представители ОВД и попросили выложить на стол только что полученные от такого-то человека деньги. Двоюродный брат судьи положил на стол деньги и сказал, что этот человек брал недавно деньги в долг, а сегодня вернул, но, конечно, не этими купюрами он давал, а другими. А уж какими этот вернул – не знает и не может объяснить, почему они помечены. Значит этот товарищ, заранее, беря у меня в долг, планировал сделать то, что сделал.

Вмешался Нугзар Шалвович. «Как, уже нельзя людям друг у друга в долг взять? На каком основании проверке подвергнут мой родственник? Это же и на меня падает пятно. Весь район знает, что у судьи большие возможности во всех делах, а потому, чтобы у некоторых людей отбить охоту поговорить о незаконных вещах, Нугзар Шалвович все приемы проводит коллективно, и протоколируется каждое произносимое в кабинете слово». Конечно, у Нугзара Шалвовича были свои друзья в столице республики, а потому через некоторое время начальника районного отдела внутренних дел поменяли, чтобы другой знал свое место и своих коллег не топил для того, чтобы самому пересест в более широкое кресло. Вот так, с помощью взятки, решались многие вещи, в том числе с помощью взятки можно было стать и председателем колхоза.

Но на первом месте стояло знакомство, причем надо было иметь твердую, надежную, серьезную руку в районных властных структурах. Однажды первый секретарь райкома Скачков Иван Кузьмич вел общее отчетно-выборное собрание колхоза села Джиниси. Колхозники были против председателя колхоза, присланного около года назад из соседнего села Олянк Каракозова Федора. Человек он был хороший, но очень уж неграмотный и слушался советчиков, но! – член партии. Кто что советовал – все старался выполнить, никого не хотел обижать. С кем сто грамм выпьет, того линию и гнет в политике колхозной жизни. Народ джинисский требует поменять председателя, первый секретарь не хочет и приводит какие-то цифры о том, что благодаря мудрому руководству Федора Алексеевича колхоз сделал заметный шаг в своем развитии. Народ шумит, поднимаются на сцену только что построенного клуба активные сыны народа и в выступлениях показывают руководству района, что товарищ Каракозов человек, конечно, хороший, но в председатели не годится. Если он партийный, пусть где-нибудь работает кладовщиком, библиотекарем и так далее, и перечисляют все отрицательные стороны председателя. Первый секретарь останавливает выступавших и сам полемизирует с ними, доказывая обратное. Однако народ не согласен, и предлагает одна часть народа – выбрать председателем Бязова Пантелея Никифоровича, депутата райсовета, а вторая – Христианова Романа Онуфриевича. Видя, что Федора Каракозова не удастся переизбрать, и чувствуя, что первый секретарь его кандидатуру не поддерживает, Пантелей Никифорович берет самоотвод. И тогда Иван Кузьмич, под шум народа, уставшего от долгого стояния на собрании – в клубе не было скамеек, подходит к авансцене и, поднимая руку вперед, как Ленин, произносит:

– Райком партии предлагает на должность председателя колхоза села Джиниси избрать Дмитриева Олега Никаноровича.

Народ кричит «Ура!» и выходит из клуба, не поняв, кто такой новый председатель и за какие такие заслуги его назначили на большую должность. После собрания люди новому председателю дали своеобразное прозвище – «ДДТ», потому что он очень часто повторял слова «дорогой друг и товарищ», обсудили, каким образом никому не известный, скромный учитель химии выдвинулся вперед, и выяснили, что жена ДДТ, жительница райцентра Цалка, приходится племянницей жене первого секретаря. Тогда народ сказал: «Ладно, потерпим год, посмотрим, каким руководителем будет ДДТ». Почему ДДТ согласился стать руководителем колхоза – осталось секретом для многих джинисцев, но через девять месяцев руководству района его пришлось заменить, это факт. Председателем поставили специалиста, главного агронома колхоза Христианова Романа Онуфриевича. В начале колхозного строительства председателем колхоза выбирали в основном того, кого направлял райком партии. И так продолжалось почти до середины шестидесятых годов. А потом более деловая часть сельских жителей решила, назло районным властям, избирать того, кого хотят они сами. Раз попробовали – получилось. Активные сельские труженики ходили по домам и агитировали на общем собрании колхоза голос отдать именно за Ивана Ивановича Иванова. Войдя во вкус, увидев на практике, что при желании председателем колхоза можно избрать того, кого хочет большинство колхозников, количество желающих стать председателем увеличилось в геометрической

прогрессии. Почти в каждой крупной фамилии села были свои кандидаты на пост главы колхоза. Конечно, председатель колхоза в селе был личностью серьезной. По многолетним наблюдениям колхозников, семья председателя колхоза всегда жила лучше по всем параметрам, хотя он мог и заработать меньше. Были семьи, где несколько человек в колхозе имели постоянную работу и получали приличные трудовые – пастухи, скотники, доярки. Однако они еле-еле сводили концы с концами, а председатель работал один, имел пять-шесть малолетних детей, родителей старых, а жил лучше. «Как? Каким образом? На каком основании?» – спрашивали друг друга колхозники и были уверены на тысячу процентов, что при выборе председателя все богатства колхоза отдаются ему на столько лет, сколько будет он командовать колхозом. А потому стать председателем хотели многие – кто жить не хочет хорошо? – и стали часто менять его. Писали анонимки, иногда наглым образом в районных кабинетах на работающего председателя писали заявления, где называли его вредителем народа, антипартийным элементом, преступником и вором. А потому было время, когда ни одному председателю не удалось отработать свой срок – два года. В шестьдесят втором году председателем колхоза был избран молодой учитель истории, только что окончивший вуз Анаников Павел Кириакович. Сказать, что молодой историк страсть как любил сельское хозяйство и досконально разбирался в тяжелом крестьянском деле – нет. Симпатичный, даже красивый молодой специалист, в большой голове которого только девичьи имена и крутились, он и не мечтал стать руководителем колхоза, во всяком случае, пока. Однако отец его, бывший революционер, претворитель в жизнь установок партии и правительства по созданию колхозного строя в районе, глава большого семейства – девять детей только сам имел, не говоря о других родственниках, ныне руководивший народным образованием района, поставил задачу – Павла сделать председателем. И сделал. Павел Кириакович, став председателем, колхозом стал распоряжаться, как своим собственным хлебом. Воистину отец его, устанавливая в этих местах советскую власть, полагал, что делает это для своих детей. Павла избрали председателем в феврале шестьдесят второго, а уже через несколько месяцев началась посадка картофеля. Чтобы получить хорошие урожаи, в колхозе обычно делали яровизацию семенного материала. Семенной материал зимой сохранялся в буртах, в длинных траншеях, сверху был укрыт толстым слоем соломы, а потом землей. В некоторых местах траншеи устанавливали деревянные квадратные трубы, чтобы картошка «дышала» и не портилась. Весной же, ближе к посадке, картошку эту из буртов вытаскивали, перебирали, а потом в теплых местах, особенно в свободных местах коровников, рассыпали, чтобы теплые весенние лучи солнца грели ее. Действительно, картошка под действием тепла зеленела, появлялись даже ростки. И тогда картошку сажали. Получали после такой посадки обильный урожай, двадцать пять тонн с гектара – не предел был для колхоза. И вот однажды, когда Владимир Ильич, бригадир третьей бригады, возил перебранную картошку на подводах в коровники для яровизации, на полдороге его остановил младший брат председателя, Марлен Кириакович и потребовал, чтобы эту картошку отвез бригадир не в коровники, а в соседнее село Кущи, одному товарищу. Владимир Ильич отказался выполнить устное распоряжение близкого родственника руководителя колхоза, заявив, если вам надо, сами и везите, и доставил подводы с семенным материалом прямо в колхозные коровники. Надо сказать, что младший брат короля, прошу прощения, председателя колхоза, Марлен Кириакович тоже работал в колхозе села Джиниси, на недавно организованном сортоучастке. Этот участок подчинялся прямо тбилисскому институту сельского хозяйства, а потому Марлен, являясь заведующим сортоучастком, не был штатным работником колхоза, он даже зарплату получал по почте из Тбилиси. Однако вечером того же дня Владимир Ильич был приглашен на ковер к председателю колхоза и получил большой выговор за невыполнение распоряжения специалистов колхоза. Председатель не уточнял, каких специалистов, но пригрозил снять с работы, заикнулся поискать замену ему. Через день-два случилось ЧП в колхозе, которое решило судьбу Владимира Ильича как бригадира.

На южной окраине села, на склоне небольшого холма, рядами, вниз до самого оврага располагались колхозные коровники. Крыши на этих коровниках были устроены следующим образом. На массивные балки были аккуратно уложены так называемые ляпы – плоские камни толщиной в три-пять сантиметров, разных размеров и конфигурации, поверх ляпов стелили солому, а потом укладывали дерн. Вот и вся крыша. Задняя стена этих коровников почти на ряд или два поднималась выше земли – такой крутой склон холма был. Когда колхозный скот вечерами приходил с водопоя зимой, а ранней весной и поздней осенью – с пастбищ, часто некоторые шустрые особы запрыгивали на крышу и паслись, когда была трава, а зимой, обследовав досконально крышу и убедившись, что она надежна, возвращались в стадо. Не забыть бы сказать, что весь общественный скот и скот населения села Джиниси в летний период перегонялся на так называемую кочевку, то есть к горным склонам западного направления Цалкского района: там находились основные пастбища и луга для сенокоса. Итак, продолжая прерванный разговор о крышах коровников, надо сообщить читателю, что изюминкой подобного рода коровника являлось то, что иногда скотина, не спеша исследовавшая площадь крыши, попадала в катастрофическую ситуацию. Другими словами, случайно наступив на очень тонкую ляпину, которая с треском ломалась, животное проваливалось в образовавшееся отверстие передними или задними ногами и висело там до тех пор, пока его не увидит кто-нибудь и не сообщит куда надо. И тогда приходили бедной скотине на помощь: освобождали, оформляли акт и отправляли животное на убой. Вот потому с задней стороны коровников не делали ограждений, чтобы коровы случайно не поднимались на эти злосчастные крыши. А иначе как мясом, свежим и вкусным, полакомишься? В колхозе просто так, живую, здоровую скотину никто не разрешал пускать на мясо. А тут есть повод, скотина попала в естественную катастрофу и так себя повредила, что не отправить ее на убой – грех, колхоз хоть выручит какие-то деньги от продажи мяса этой скотины, не выбросишь же на корм собакам. Мясо это, в основном, делилось между руководителями колхоза, немного давали и крестьянам, но как только отпускали двум-трем колхозникам, кладовщик объявлял: «Закончилось мясо, все продали». А мясо-то было хорошее, чистое, здоровое и, самое главное, дешевое – по колхозной цене. Хотя, справедливости ради следует сказать, что колхозники в этих местах и не знали, какая цена государственная бывает у мяса. В магазине его никогда не было. На рынках очень дорого, чуть ли не в пять раз дороже, чем в колхозе. А в колхозе только один раз в году давали мясо всем колхозникам, исключительно по два-три килограмма, перед началом сенокоса. Потому что сено здесь косили вручную. На горных склонах, когда трава альпийская поднималась очень незначительно, ни одна механизация не могла ее убрать. Только ручная косьба. И только с хорошей косой, и со знанием всех тонкостей этого дела, можно было заготовить корм скоту на зиму, потому и давали косарям немного мяса, чтобы сил и энергии прибавить на постоянные частые взмахи косой. Конечно, то мясо, что давал колхоз своим работникам, погоды не делало. Столько мяса надо было есть каждый день, чтобы выполнить должным образом такую тяжелую работу, как косьба. Но колхоз не кормил, а у колхозников жизнь была такая тяжелая, что они думали, как бы чем-нибудь вообще заполнить желудок, а не только мясом. И заполняли. Любимой едой в летний солнечный день на косьбе у крестьянина были так называемая тюрка, чистая горная родниковая вода, сахар и хлеб черный. Вот паек косаря на обед. Что касается мяса и его цены, то даже в Тбилиси, когда крестьяне, продав свою картошку, делали покупки, никогда они в очереди за мясом не стояли – слишком длинная очередь была. И вот однажды, не прошло и двух недель после угрозы председателя колхоза Павла Кириаковича Владимиру Ильичу, вол, приписанный к бригаде номер три, оказался в висячем положении на крыше коровника. А тогда в колхозе очень мало было сельскохозяйственной техники, тракторов и машин. Все хозяйственные работы делались на лошадях и волах, а потому этот рабочий скот ценился на вес золота, и за гибель его отвечали по полной программе, если, конечно, кто-то был виноват. Бригадир третьей бригады – Владимира Ильича – Павел Кири-

акович снял с работы, предложив ему написать заявление добровольно, иначе он все сделает, чтобы повесить на него гибель вола. Пришлось идти на этот шаг. «Насильно не будешь работать, если не мил ты больше руководителю» – подумал Владимир Ильич. Когда Владимира Ильича сняли с работы, то в селе начались разговоры о том, что Павел Кириакович отомстил Владимиру Ильичу за отношения его отца, Ильи Пантелеевича, со своим отцом, заведующим РОНО. «Ведь за то, что руководители колхоза, по недоказанной вине бригадира, мясо попавшего в беду вола съели – не снимают же за это с работы. Сколько раз таким образом скотина попадала в эти сети! Никто никогда об этом даже не вспоминал, а не то чтобы заикнуться снять с работы. В глубине души, может быть, даже благодарности объявляли руководители тому, с чьей помощью удавалось свежего мяса полопать» – рассуждали джинисцы, обсуждая поступок своего председателя, молодого, красивого, но очень злопамятного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.